

Н. И. СЛАДКОВ

АЗБУКА ЛЕСА

ЛЕС - это деревья, кусты, травы. Это боры и рощи, ельники и дубравы. Поляны, опушки, просеки. Грибы, мхи, лишайники. Это лесные звери и лесные птицы. Бобровые ручьи, журавлиные болота, утиные озера. Лесные запахи, шорохи, голоса. Даже солнечные зайчики и лесное эхо!

Из всего этого, как из кубиков, сложен лес: огромный, зеленый, заманчивый. Наш лес...

Он оделяет нас дровами, смолой, досками. Орехами, ягодами, грибами. Здоровьем, радостями, загадками. И должны мы за это быть благодарны лесу, должны его знать, чтобы охранять и беречь.

Как букварь начинается с буквы «А», так и путешествие в лес начинается с первого шага. За первым непременно будут второй и третий, как за буквой «А» будет «Б» и «В».

И пройти лес из края в край – все равно что выучить азбуку от «А» до «Я». Без лесной азбуки не прочитать нам и книгу леса.

ISBN 5-88590-927-X

9 785885 90924

Н. И. СЛАДКОВ

АЗБУКА ЛЕСА

«РУСИЧ» СМОЛЕНСК
2000

УДК 820/89-93
ББК 84(2 Рос-Рус)6-44
С 47

Художник Б. Проказов

Сладков Н. И.

С 47 Азбука леса: Рассказы, сказки, миниатюры. — Смоленск: Русич, 2000. — 104 с., ил.
ISBN 5—88590—927—X («Русич»)
ISBN 985—433—305—1 («Харвест»)

Лес — как увлекательная книга с цветными картинками. Чтобы хорошо его знать и любить, нужно выучить лесную азбуку — повадки зверей, голоса птиц, целебную силу растений, разнообразные лесные запахи и звуки. Этому учат ребят интересные и яркие рассказы, сказки и миниатюры известного детского писателя Николая Сладкова.

УДК 820/89-93
ББК 84(2 Рос-Рус)6-44

ISBN 5—88590—927—X («Русич»)
ISBN 985—433—305—1 («Харвест»)

© Сладков Н. И. (наследники)
© «Русич», 1998

Адмирал

Бабочка-адмирал украшена нарядными адмиральскими лентами — за это ее и называли так. Правда, алые ленты на черных крыльях были у нее уже тогда, когда моряков-адмиралов еще и в помине не было.

Как нарядный адмирал выделяется она среди других скромных бабочек, и смотреть на нее — одно удовольствие. И черные гусеницы ее не вредят ни лесу, ни саду: грызут себе крапиву да чертополох.

Кто ни увидит бабочку — непременно пошутит: «Смирно! К нам пожаловал адмирал». Это вам не какая-нибудь там репница или брюквенница, а праздничный адмирал в нарядных алых лентах!

Аист черный

Черный аист — лесной отшельник. Немногие видели его в лесу. Не любит он напоказ выставляться. Разве что когда в небе парит. Да и то высоко, не очень-то разглядишь снизу.

Черный аист не такой уж и черный. Брюхо, бока, подкрылья у него снежно-белые. Клювище — красный, длинные ноги — алые. Черный он только в тени, а на солнце полыхает то зеленью, то синевой, а то и багрянцем. В клетке сразу теряется этот отблеск вольной жизни. Аист важно вышагивает среди теней и бликов леса и, как драгоценный камень, все время изменяется в цвете. Но увидеть это можно только вблизи. И только на воле.

Плавал я раз в глухом лесном озерке. Рыбки мальки щипали губами бока, и я разгонял их, чтобы не щекотали. Особенно почему-то до-

ставалось ногам, обутым в красные ласты: мальки облепили их, как комары.

Когда я поднял глаза, то на другом берегу заметил трех черных аистов! Они стояли по колена в воде, окунув клювы в воду. Конечно, они сразу меня заметили, взлетели и растворились в гуще ветвей. Настоящие лесные птицы! На берегу, где они топтались, остались белые кляксы и разлапистые следы. А в воде, где они стояли, роились мальки!

Я вспомнил про красные ласты: уж не нарочно ли аисты красными своими ногами и носами приманивали мальков? Мальки сами лезли в рот!

Я окунул в воду красные ласты, и мальки снова облепили их, как муравьи! Может, аисты и в самом деле до этого додумались? Хоть и выросли в диком лесу.

Альбинос

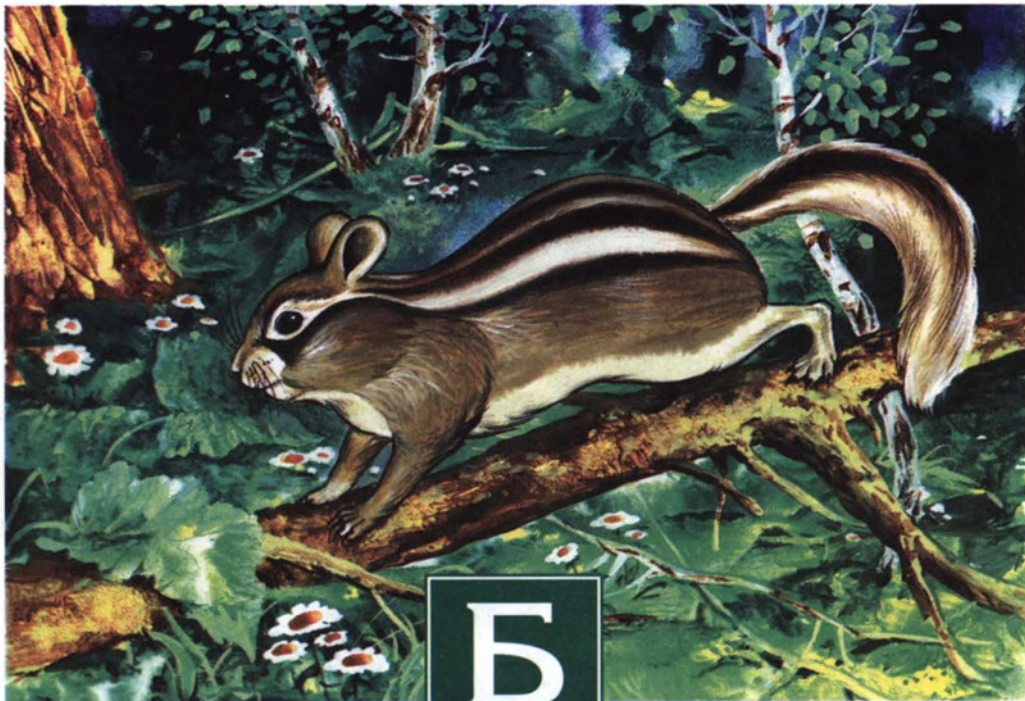
Черный ворон и вдруг... белого цвета! Белая галка. Белый воробей. Белый косач, который должен быть иссиня-черным! Белый хорек, белый барсук.

Когда зверь или птица вдруг необычной белой окраски, их называют альбиносами. В шерсти и перьях их не хватает пигмента — красящего вещества.

Увидишь в лесу альбиноса — и глазам не веришь! Одно дело, когда зайцы-беляки, белые куропатки, горностаи и ласки, которые каждый год к зиме становятся белыми, под цвет снега. Это знакомо и привычно. Так же как белая сова или белая пуночка: эти и от рождения такие. А то говорят «черныш», а он, черныш-то, белый! Знакомые серые воробы, а один среди них — беленький! Словно и не воробей.

Непроста жизнь у диковинных альбиносов. «Белые вороны» они среди своих. Свои сторонятся, клюются, кусаются. А чужие издали замечают, норовят поймать. Мало кто из них до весны уцелеет. Потому так редки с ними встречи в лесу. Но зато долгопамятны.

Бурундук

Кабан ограбил бурундука, обидел верзила маленького! Сквозь землю унюхал бурундуковую кладовую, вспорол бивнями дерн, разрыл нору и зачавкал. Орешки кедровые, отборные желуди, семечки, зерна — все подчистую слопал. Хоть бы зернышко оставил бурундуку. Вот свинья!

А бурундук всю осень припасал по семечку, по зернышку собирал. Искал, выбирал, носил. Да не в торбе какой-нибудь, а за собственными щеками.

Укладывал, перекладывал, перебирал. Чтобы все было самое лучшее, спелое, зрелое. Чтобы не отсырело потом, не заплесневело, не проросло.

Зимой спал, не трогал, на раннюю весну берег — самую голодную пору. И вот остался ни с чем.

Кабану весь бурундуковый запас на одну закуску. Слопал все и побрел себе, сыто похрюкивая. А бедняга бурундук на сучке сидит да с голоду посвистывает.

Барсук

Ночью мороз, а днем пригрело, земля в овраге оттаяла. И из зимней норы вылез погреться на солнышке толстяк барсук. Пожмурился подслеповато, почесал лапой бок, поводит мокрым носом и от нечего делать направился раскапывать муравейник. Соскучился по работе, с головой в муравейник зарылся, один зад наружу. Я этот зад увидел, подкрался не дыша и пощекотал барсука палкой. Барсук сразу замер, насторожился, перестал копать. Но не высунулся. А погода заработал снова, да так, что только клочья полетели из муравейника.

Я сильнее пощекотал. Тут барсук обмер, потом быстренько выпятился из муравейника, уставился на мои ноги, зашмыгал носом и с невероятной скоростью проскочил между ног и помчался к норе. С ходу нырнул в нее и исчез.

Теперь до весны и носа не высунет...

Берлога

Просочилась в берлогу Вода — Медведю штаны промочила.
— Чтоб ты, слякоть, пересохла совсем! — заругался Медведь. —
Вот я тебя сейчас!

Испугалась Вода, зажурчала тихим голосом:

— Не я, Медведушко, виновата — Снег во всем виноват. Таять начал, воду пустил. А мое дело водяное — теку под уклон.

— Ах, так это Снег виноват? Вот я его сейчас! — взревел Медведь. Испугался Снег, закрипел с перепугу:

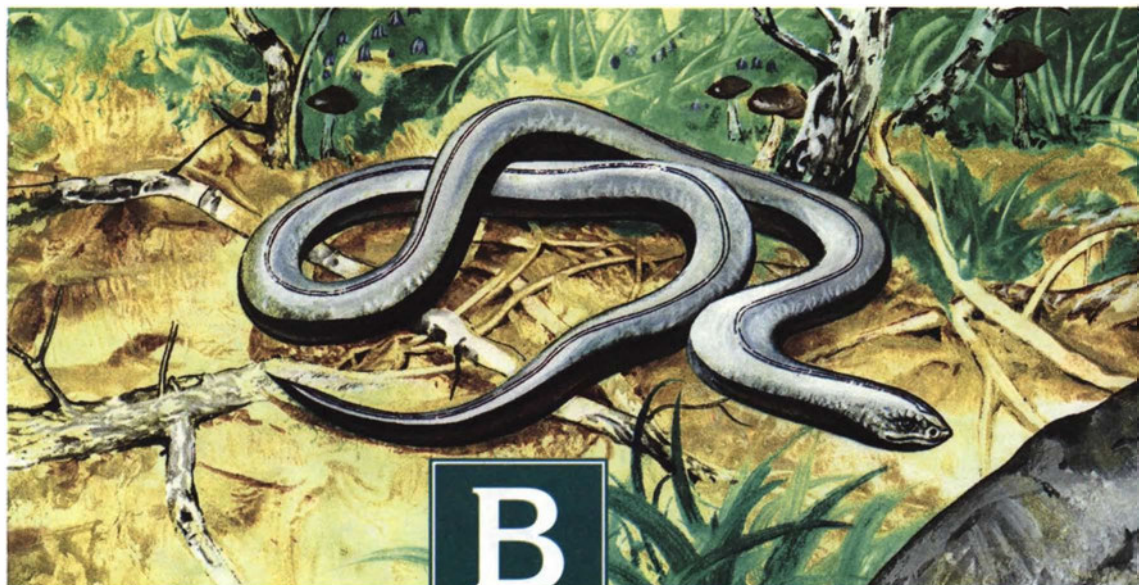
— Не я, Медведь, виноват — Солнце виновато. Так припекло, так прижгло — растаешь тут!

— Ах, так это Солнце мне штаны промочило? — рявкнул Медведь. —
Вот я его сейчас!

А что «сейчас»? Солнце высоко стоит: его ни зубами не цапнуть, ни лапой не дотянуться. Сияет в небе. Снега на земле топит, воду в берлогу гонит. Медведю штаны мочит.

Нечего делать — убираться из берлоги пора. Всю зиму в ней на боку проспал — весна на дворе. Поворчал, поворчал Медведь да и покосолапил в лес. Штаны сушить, весну встречать.

Веретенница

Самая страшная змея в лесу — веретенница. Разруби пополам — ей хоть бы что. А если укусит, жить тебе только до заката солнца.

— Ты не гляди, что она небольшая, — сказал пастух. — Зато она медная!

И в самом деле — как блестящий стержень из меди. Вытянулась на лесной тропинке и спокойно смотрит. А чего ей бояться: рукой нехватишь, палкой не убьешь.

Я подцепил хворостиной, поднял, хотел отбросить, а она вдруг соскользнула и упала... за отворот высокого сапога!

Извиваясь и упираясь в ногу, веретенница пробивалась все глубже и глубже, пока не протиснулась в широкий носок: там и затихла — холодная и упругая.

Что же делать? Стоит потянуть ногу из сапога, и она укусит. И жить тебе тогда всего до зари.

Солнце медленно опускалось за лес. Стою на одной ноге, вытянув вторую с веретенницей в сторону.

Тут слышались колокольчики: пастух гнал стадо домой. Я подманил его пальцем и прошептал:

— Веретенница. В сапоге...

Пастух положил рядом палку, приноровился и махом сдернул с ноги сапог! Блестящая медная гадина вывалилась из него и поползла на нас. Пастух стукнул палкой и перешиб ее пополам. А она все равно ползла и уползла в кусты, а вторая половина скручивалась на тропе.

— Что я говорил? — показывал на нее пастух. — Такую не убьешь.

Я потом всем рассказал про свое смертельное приключение. Хотел предостеречь других, а оказалось — разносил небылицы! Знающий человек растолковал, что веретенница, во-первых, не змея, а... ящерица! Только особая ящерица — безногая. А во-вторых, совершенно не ядовита! И даже не кусается: если уж только сильно рассердится. Да и укусить-то толком не может: зубки маленькие и слабенькие. А я как дурак на одной ноге стоял, дыхнуть боялся, чуть от страха и в самом деле до заката солнца не умер!

Но ведь перешиб же ее пастух пополам, а она жива-живехонька уползла!

И это мне растолковали. Половина длины у веретенницы — хвост! И как у всякой ящерицы, если дернуть его, отвалится. Стукнут веретенницу палкой, хвост отшибут, а «половинка тела» в кусты уползет. Всем на страх и удивление. Многие очень ее боятся. А чего от нее убежать? И тем более бить? Бить-то ее и совсем уже не за что.

Ветреница

Ветреницу дубравную называют еще подснежником. Ветреницы любят на весеннее солнце смотреть, ну прямо глаз своих белых с золотистым зрачком не сводят с солнца! Где солнце — туда и глаза.

Как проснутся — так сразу глаза на восход. И весь день как замороженные поворачивают головки: в полдень глядят на юг, вечером — на закат. А как солнце за лес — ветреницы глаза смежат и спят до утра без забот.

Но однажды ветреницы растерялись! Солнце спряталось за облаками: в какую им сторону голову поворачивать? Растерянно смотрят золотые зрачки из-под белых ресниц. Головки повернуты в разные стороны. Склонились слабые шейки. Поникли белые венчики. Глаза устали в землю. Ждут, когда снова проглянет солнце.

Ворона

Ворона не проворонит! Я проверял: стоит задержаться у птичьего гнезда — и готово: пропали яички или птенчики!

Раньше даже думали, что это птички не выносят человеческого глаза и если кто посмотрит на их гнездо, они его непременно бросят. Так, в общем-то, и выходит: посмотрел — и гнездо разорено. И хозяев его не видно.

Но человеческий глаз тут ни при чем.

Виноват вороний глаз!

Пока ты топчешься у гнезда, заглядываешь, пичужки тревожатся: пищат, перелетают, суетятся. Ворона сразу же суету приметит. Ты уйдешь, а она в кусты — проверять: что ты там делал, почему пичужки разволновались? Вот примятая ногами трава, вот пригнутые руками ветки, а вот и само гнездо — как блюдечко с угощением.

Пяток птенцов вороне — на один глоток. Проглотит и снова скрытно высматривает: не копошится ли где-нибудь человек в кустах, не суетятся ли вокруг него птички?

Страшен пичужкам вороний глаз. А человеческий тем виноват, что вовремя ворону не замечает.

Г

Гоголь — лесная утка

Тихо было в лесу — и вдруг крик:

— Помогите, проводите, потерялся!

— Откуда в лесу Утенок? — удивился Заяц. — Как он сюда попал? И в самом деле — Утенок в лесу! Ему на болоте быть положено.

Прискакал Заяц на крик и видит: в самом деле Утенок. Пуховичок. Черный с белым. Взъерошенный, перепуганный.

— Потерялся я, — хнычет. — Где дом, не знаю. Помню, откуда-то я свалился. Проводите меня домой!

Проводить Зайцу нетрудно, но куда?

— Куда тебя провожать, на болото, что ли? Уткам положено на болоте жить.

— А что такое болото? — спрашивает Утенок. — Деревья на нем растут?

— Вот тебе раз! — удивился Заяц. — Утенок, а не знает, что такое болото! А деревья не на болоте, а в лесу растут.

— Тогда води меня в лес! — обрадовался Утенок. — Мой дом был

на дереве. Помню, что свысока летел, больно носом ткнулся...

Еще больше удивился Заяц:

— Не путай меня, Утенок! Утки на деревьях не живут. Не вводи меня в заблуждение.

— Я не ввожу, — хнычет Утенок. — Я вправду с дерева грохнулся. Даже память отшибло. Потому-то и заблудился. Домой хочу...

— Не вертись! — прикрикнул Заяц. — Рассказывай по порядку.

— Сидел я на пуховой перине, — начал Утенок. — Вместе с сестрами и братьями. Стены по сторонам, а наверху — оконце. Так и светится, так и манит! Я полез посмотреть — и вывалился. Как брякнулся!

— Не бывает в утиных гнездах ни стен, ни окон!

— А в моем гнезде были! — не сдается Утенок.

— Значит, ты совсем не Утенок!

— А кто же я? — удивился Утенок.

И в самом деле: как же не утенок, если утенок! Плоский нос, лапы с перепонками. И вообще.

— Утки траву на кочке примнут, пуху с живота нащиплют — и дом готов. Я бы такой дом и искать не стал, — уговаривает Заяц.

— А мой дом не такой, мой хороший был, — ноет Утенок. — Домой хочу...

— Цыть, ты! — прикрикнул Заяц. — Еще лисица услышит.

— Лису боюсь, домой хочу...

И тут на крик не лиса прибежала, а прилетела... Утка! Посмотрела на Утенка странным белым глазом и сердито крякнула:

— Я его там ищу, а он уже здесь!

Заяц спрашивает:

— Неужели и вправду твой дом в дупле?

— На самом высоком дереве, — отвечает Утка. — На пятом этаже.

— А как же Утенок живым остался?

— Все живые, — отвечает Утка. — Вся поддюжина. Они у меня вроде — как это? — парашютистов: растопырят крылышки да перепонки на лапках и прыгают.

За Уткой весь выводок показался: разобрались гуськом и бегом к реке. Хоть и лесные они, да утки! И поплыли по воде, как обыкновенные утки, нырять и плескаться стали, как обыкновенные утки.

И все-таки это были совсем не обыкновенные утки! А удивительные утки, что гнездятся не на болотных кочках, а в дуплах деревьев. Дупляные утки — гоголи.

Голубянка

Шел я по грязной и скучной лесной дороге. И вдруг! Заметили, что все в лесу случается вдруг? Вдруг вскрикнет, вдруг выскочит, вдруг взлетит. И у тебя перехватит дыхание.

На этот раз не вскрикнуло, не выскочило, а дыхание все равно перехватило: над грязной лужей бился голубой вихрь голубых бабочек! В луче солнца, как искры над костром, металось крылатое облачко. Бабочки то взлетали над лужей, то опускались к самой воде, словно разглядывали себя в лесном зеркале. Те, которые уже насмотрелись на свое отражение, рассаживались вокруг на грязь, и грязь расцветала незабудками. Бабочки раскручивали спиральки хоботков и сосали «минеральные воды».

Голубой рой крылатых лесных существ — бабочек-голубянок! Два голубых вихря, настоящий и отраженный, то встречаются, то расходятся. Сколько их тут! Слетелись со всех лесных полян. И зачем-то им надо было собраться, раз слетелись со всей округи. Но это уж их дело. А мое дело — смотреть и радоваться. И посмеиваться над теми, кто терпеть не может грязные лесные дороги и никогда не ходит по ним.

Грибной дождь

Для горожан спорый дождик при солнце уже и грибной! Но такой яростный и летучий дождь только траву всклокочет да листья вывернет наизнанку. И сбежит ручейками в речку, не промолив толком земли.

Настоящий грибной дождь другой. Тихо и ровно — всю-то ночь! — поливает землю, словно теплый душ через частое ситечко. Тяжелеют кусты и травы, набухает земля. А между деревьями всплывает парная дымка.

Под такой дождь сладко спится на сеновале. Шуршит дождь, словно мыши по замшелой крыше бегают.

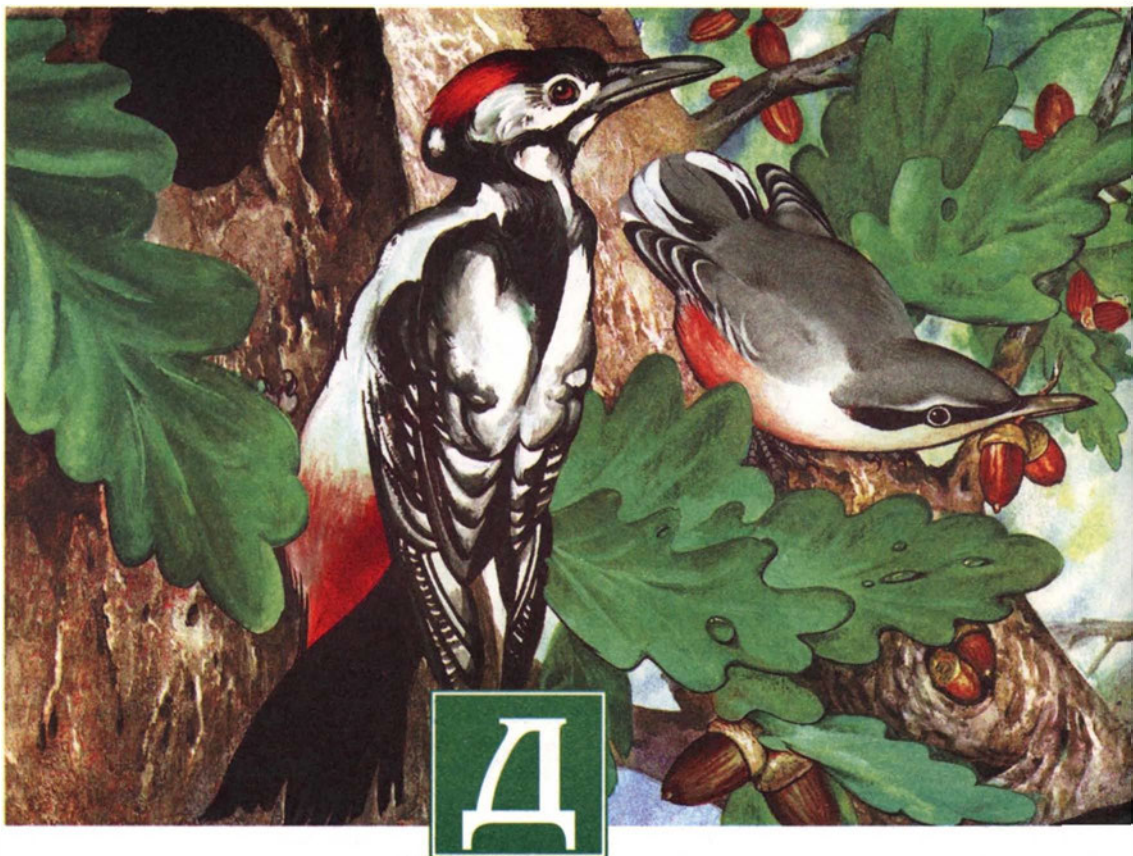
Убаюкивает.

Но грибникам не до сна!

Дождь идет, идет, а грибы растут, растут. Набухают, толстеют, раздвигают тугими шляпками лесную ветошь. Выставляются напоказ, ждут первого грибника. У них, у грибов, тоже примета: коли пошел грибной дождь, то и грибники пойдут.

И грибники идут, не задерживаются. Один уже явился не запылится — вот с такой огромной корзинкой! И уже первый поклон отвешивает — до земли. В пояс кланяется первому грибу боровику, выросшему после первого грибного дождя.

Дупло

Лесное дупло — загадка. В каждом дупле кто-то жил или кто-то живет. По перышкам, по шерстинкам, по косточкам, по царапинам на коре интересно угадывать дупляных жильцов!

Бывают дупла-ночлежки: в них ночуют белки, синицы, дятлы. Бывают дупла-кладовые. Белка спрячет орехи, поползень сунет желудь или летучку клена. Куница оставит про запас недоеденную ножку рябчика. Летяга натолкает ольховых сережек. Или сыч-воробей натаскает в дупло, как в холодильник, мышей, полевок и птичек.

Есть дупла — дома отдыха: всю зиму спят-отдыхают в них лесные и садовые сони. Есть дупла-ясли: растут в них птенцы разных птиц-дуплогнездигов. Дупла — укрытия от непогоды: в пасмурные и холодные дни в них отсиживаются стрижи.

Бывают деревья, дупла в которых в два и три этажа. В нижнем дупле синица живет, на втором этаже — горихвостка, на третьем — дятел.

Встречаются многослойные дупла: жил в дупле дятел, дятла сменила синица, синицу — горихвостка, горихвостку — летучая мышь. В несколько слоев накопилась на дне подстилка. Как список жильцов. Как следы прошлых событий.

А бывают и дупла-могилы. Пичужка или зверюшка от старости или ран забилась в дупло и кончили в нем свою жизнь. Остались лишь перья, шерстинки да косточки...

Сколько дупел в лесу — столько и лесных загадок. И не известно, какое тебе попадется дупло. Может, такое, какое никому еще в жизни не попадалось! И ты первый его разгадаешь.

Дятел

Слышу, стучит на дереве! А на дереве — никого...

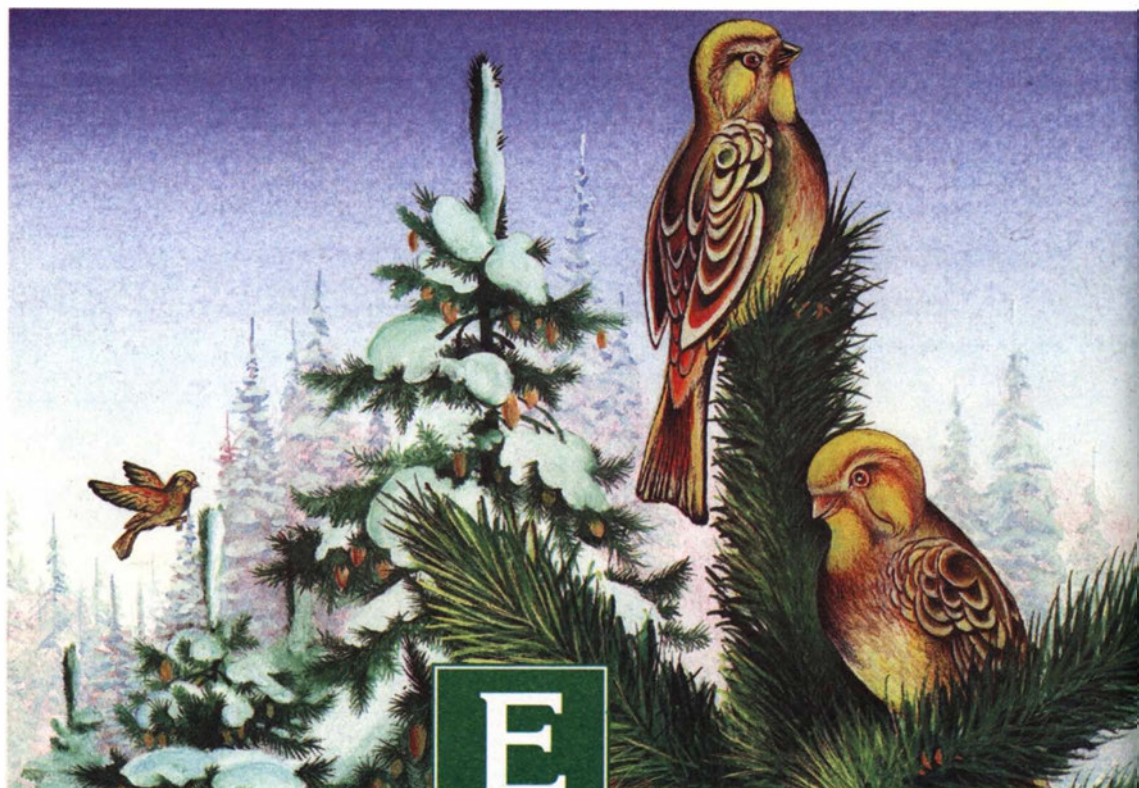
Тут высовывается из дупла дятел. Оказывается, он в дупле стучал, внутри дерева! Расширял дупло для гнезда. Полный клюв щепок и мусора. Бросил вниз, поморгал, чихнул, в дупло окунулся и снова застучал.

Нелегко дятлу носом своим, как долотом, дупло в дереве продолбить. Каждый раз, проходя мимо, я прислушивался: стучит ли? И слышал: стучит! Стук совсем стал глухой: видно, дятел уже глубоко дерево продолбил. А под деревом все росла и росла кучка желтой посорки.

А потом стук утих: дятлиха насиживала яички. А потом стало слышаться внутри дерева нетерпеливое стрекотание: вылупились дятлята и запросили есть. Теперь дятлы громко кричали, если кто приближался к дуплу. Особенно не любили людей и белок — так криками и заходились!

А скоро и дятлята стали высовываться в окошко. Долгоносые, в красных шапках. Выглядывают и носами крутят за каждой пролетающей вблизи птичкой или мухой. Интересно им, никогда еще не видели леса.

И вот уже ни стука, ни крика: улетели. Опустело дупло — до следующей весны. Тогда дятел снова заиграет на барабане так лихо и самозабвенно, словно ударник из знаменитого джаза! И снова начнет долбить дупло. И выводить дятлят.

ЕЛЬНИК

Елки зеленые от комля до маковки праздничные! На маковках овсянки сидят и пощипывают. А под ними гирлянды шишек висят и пощелкивают. Шишки раскрыли на мартовском солнце бронзовые чешуйки — как ларцы и шкатулки с драгоценностями. И драгоценности высыпаются — летят, сверкая, еловые семена. Еловый праздник, посевная пора!

Всю долгую зиму берегли елки свои шишки-ларцы. Лелеяли их на солнышке, на ветру баюкали, напевая им что-то своими хвойными голосами. И вот на вешнем солнце оттаяли, разомлели, раскрыли чешуйки на шишках — и посыпал еловый дождь!

Каждое еловое семечко-вертолетик — новая елка, каждая шишка — новый ельник. Весь снег усыпан золотистыми семенами, словно на снегу высыпали веснушки. Вырастут новые елки — густые, высокие и красивые. Всем на радость.

Ёж-колобок

И хотел бы ежик пушистым быть, так ведь съедят!

Хорошо зайцу: ноги длинные, быстрые. Или белке: чуть что — и на дерево. А у ежа ножки коротенькие, коготки тупые: ни по земле, ни по сучкам не ускачешь.

А жить и ежу охота. И вся надежда у него, у ежа, на свои колючки: выстави и надейся.

И ежик съеживается, скукоживается, ощетинивается. И надеется. Лисица лапкой его покатает и бросит. Волк носом толкнет, уколет нос, фыркнет и убежит. Медведь губы свесит, обдаст жаром пасти, посопит недовольно и тоже укусолапит. И хочется съесть, да колетса!

А еж полежит с запасом, потом маленечко развернется для пробы, нос и глаза выставит, оглядится, принюхается — нет ли кого? — и укатит в другую сторону.

Тем и жив. А был бы пушистый и мягонький?

Конечно, не велико счастье — всю жизнь в колючках с головы до ног. Но иначе ежу нельзя. Хоть и хочется, а нельзя. Съедят!

Ёлочка

Весной елочки не было, летом не было, а осенью показалась. Раздвинула листья, сучки, травинки и удивленно осмотрелась.

Деревья роняли листья.

Много лет уже с тех пор прошло, но каждую осень, в день елочкинoго рождения, деревья вспоминают о ней и дарят подарки. Осина дарит красные «китайские фонарики», клен роняет золотые звезды, а ивы засыпают елочку бронзовыми рыбками. Березы забрасывают елочку желтыми конфетти, дубы — медными фестонами, ольхи — малахитовыми кулечками. И стоит елочка растерянная и счастливая: раскинула лапки, а на ладошках подарки. И уж некуда их девать, а ей все дарят и дарят.

И у всех на глазах становится елочка из колючей и хвойной мягкой и лиственной. Вся в золоте, багрянце и бронзе. Нарядная и разноцветная. Не то что зимой и летом — одним цветом...

Жаворонок лесной

Ночь, темень и тишина. И вдруг в небе над головой — залиvistый колокольчик! Или это звезда запела?

Но колокольчики не летают, а звезды — увь! — не поют. Это птица поет — юла, лесной жаворонок. На вид он скромный и неприметный, на него бы и внимания не обратил, если бы не голос.

Замечали вы, что малоприметные птицы поют особенно хорошо? Соловьи, славки, жаворонки? Словно природа, обделив их яркостью, наградила звонким голосом. Как вот этого лесного жаворонка с его удивительной песней звезды-колокольчика.

Длинная ночная дорога, темная пашня по сторонам, за ней еще более темный лес. А над лесом — звезды. И одна из них — певчая. Идешь, а она звенит и звенит.

Смешно и наивно пытаться передать птичью песню буквами: песню птицы не прищипишь к бумаге. Получается что-то вроде «юли-юли-юли-юли!». Долго-долго. И скучно.

И все-таки как зарубка на память! Вспомнишь потом это залиvistое «юли» — и снова услышишь птицу. И снова ночь, и пластилиновая вязкость подмерзшей дороги, и теплое дыхание пашни, приглушенные шорохи леса и бормотание вешней воды. И песня птицы-звезды льется в уши, как в две воронки, наполняя тебя радостью единения. Все вокруг для тебя — вся эта весенняя ночь. Для тебя и лесной жаворонок поет, раз ты его слышишь. Все для тебя, если ты не глух и не слеп.

Жаба

Посмотрел Филин на Жабу и даже перекопился.

— Жалобы на тебя, Жаба! И скользкая-то ты, и противная, и ядовитая.

Задрожало у Жабы горлышко от обиды, затуманились золотые глаза.

— Осуждаете ни за что... Конечно, ядовитая, если меня зубами схватить. Или языком лизнуть. Вот ты, Филин, станешь меня языком лизать?

— Что ты! — охнул Филин. — Пусть Сорока, у нее язык длинный!

— Ой! — задохнулась Сорока. — Ни за что!

А Жаба урчит:

— Вот видите? А если меня просто руками трогать, никакого вреда не будет.

— А бородавки? — не удержалась Сорока. — Все говорят: если Жабу тронуть, появятся бородавки.

— Глупости и суеверия! — отвечает Жаба. — Знаете слово «суеверие»? Вот оно и есть...

— А скользкая, а противная — тоже суеверие? — застрекотала Сорока.

— А по чужим огородам по ночам лазаешь — зачем? — взъерошился Филин. — Своими глазами видел!

Снова задрожало у Жабы горлышко от обиды и затуманились золотые глаза.

— Вас бы на мое место... — всхлипнула Жаба. — Только и слышишь: ядовитая жаба, пучеглазая жаба, кривоногая жаба, вредная жаба, толстая жаба! А я ведь толстая потому, что для людей стараюсь! Сады и огороды их по ночам от слизней и гусениц, от стеблеедов и листогрызов очищаю. Не щадя живота своего! Им бы спасибо сказать, а они обзываются и палкой замахиваются...

И снова горлышко задрожало и затуманились золотые глаза. И тут увидели Сорока и Филин, какие они у Жабы красивые! И ничего больше не сказали Жабе. И улетели.

Журавль

Быличка такая, что будто бы в журавлиной стае есть особые часовые-сторожа. И будто бы, когда стая спит, они на часах стоят. А чтобы самим не уснуть, в клюве камень держат.

Тяжело на часах стоять. Все спят вокруг, а ты глаз не смей закрыть. А ветерок оглаживает, солнышко пригревает, тишина усыпляет. И вот, чтобы не задремать, берет журавль камень в клюв. Чуть задремлет, камень выпадет и по ногам ударит. Часовой всполошится, осмотрится. Если нет никого, промолчит, а если опасность какая, вскрикнет и всех на крыло поднимет.

Так это или не так, точно никто не знает. Рассказывают, хоть своими глазами и не видели. Повторяют один другого. Потому, когда перелетная стая села отдохнуть на болото, я сразу навел на них бинокль и стал следить.

Покричали, помахали крыльями, побродили между кочек, поклевали что-то, уgomонились и задремали. Но один журавль в сторонке стоит, голову в перья не прячет — не спит. Уж не это ли часовой? И ветер его оглаживает, и прогревает солнце, и тишина вокруг, а он осматривается? Вот нагнулся, что-то поднял, подбросил вверх и на лету поймал. Не камень ли сторожевой?

Стоит с камнем в клюве. То уронит его, то поднимет. То подбросит и на лету поймает. Развлекается, крутит так и сяк. Чтобы не уснуть, наверное.

Когда стая отдохнула и улетела, я пошел туда, где стоял часовой. Но нашел там не камень, а... еловую шишку! Сторожевая эта шишка или игровая? Сторожил часовой или не спалось ему и он забавлялся? В неволе журавли от скуки часто подбрасывают всякую всячину.

Вот и своими глазами видел, а толку что? Улетели журавли, оставили шишку и тайну...

Замор

Загадочные события происходят в лесном озерке: что ни ночь — рыба вся вверх поднимается! Чуть на берег не выпрыгивает. Всю ночь крути, всплески, бороздки по воде. Будто страшно рыбам на ночь на дне оставаться. Особенно кипит вода в озерке под утро: рыба в ужасе выплескивается тут и там. Кто-то настойчиво преследует ее в глубине и выпугивает из воды. Утром покачиваются на волнах умершие от страха рыбки.

Лето стояло сухое и жаркое. И каждую ночь кто-то невидимый и беспощадный выгонял всю рыбу наверх, гонял ее и запугивал до смерти. Жуткий кто-то жил в озерке!

Долго не могли найти имя этому страшному невидимке. Но вот имя было названо: летний замор! И все сразу стало ясно. В жаркие тихие ночи вода в озерке не перемешивалась, в ней мало было свежего воздуха. К тому же ночами все водяные растения дышали кислородом, выделяя удушливый углекислый газ. И рыбы всплывали, метались, задыхались и гибли. Счастливы были те, кто доживал до утра: утром все растения начинали «выдыхать» в воду живительный кислород.

Но приходила новая тихая жаркая ночь, и все начиналось снова. Прекрасная для купальщиков стояла погода, а озеро умерло у них на глазах. Одни плавунцы да водомерки спаслись. И то потому, что вовремя улетели.

Заяц

Кто сказал, что заяц — серый? «Трусишка зайка серенький», «Заяц серый, куда бегал?». А он, заяц-то, совсем не серый! И никогда серым не был. Зимой заяц белый, летом — бурый. А почему-то серым прозвали.

Но вот продираюсь я как-то весной сквозь кусты ольховые и вижу... серого зайца! Замелькал в прутьяке, наставя уши и вскидывая задок. Серый ольшаник, серая опадь по низу и... серый заяц! Которого не бывает. И не может быть...

Вот ведь как иногда получается! Всего на одну недельку в году становится заяц серым, а все заметили и запомнили. А что остальные сорок семь недель он не серый, словно и не видали. Серенький, видите ли, почему-то всем приглянулся!

А что хорошего: линяющий, всклокоченный, ни белый, ни бурый, ни то ни се. Но вот приметили и прославили. И прослыл заяц серым, словно другим и не бывает. Серым и в песню вставили. И ничего теперь уже не поделаешь. Потому что из песни, как известно, слова не выкинешь...

Зяблик

Октябрь так птиц пугнул, что иные до самой Африки без оглядки летели! Но не все оказались такими пугливыми. Иные и с места не сдвинулись. Вороны там или воробьи. Им хоть бы что: каркают да чирикают. С ними Октябрь и связываться не стал. Таким и Январь не указ.

А взялся Октябрь за зябликов. Фамилия у них подходящая — Зяблик. Значит, должны они холодов бояться. Взялся и разом всех разогнал. Но один зяблик остался, самый упрямый.

Рассердился Октябрь:

— Зяблик ты, так зябни!

И стряхнул ртуть в градуснике сразу на десять градусов ниже нуля. А Зяблик не зябнет!

— Небось озябнешь! — разбушевался Октябрь. И давай Зяблику под перья ветром дуть.

А Зяблик все равно не зябнет! У него от озноба верное средство

есть — тугой животок. Прыгает по веткам, как по ступенькам. И склевывает: то насекомыша, то семечко. А у сытого и температура нормальная птичья — плюс сорок три градуса! А с такой температурой и в октябре — май.

Скрипнул Октябрь морозцем и так ветром дунул, что сдул с деревьев все листья и всех насекомых. А Зяблик — порх! — и на землю: стал на земле кормиться, собирать опавшие семена.

А Октябрь — раз! — и заморозил землю, коркой ледяной покрыл.

— Ах так! — раззадорился Зяблик. И снова — порх! — наверх. Стал ягоды рябины клевать — вместе с синицами, воробьями и воронами.

Посинел Октябрь от злости: ливнями поливает, холодом дует, морозцем прихватывает. А Зяблик не зябнет! Рябина-то от мороза только вкуснее становится. Того и гляди, что и на ноябрь упрямец останется.

А что, вполне может быть! Только бы рябину дрозды-рябинники дочиста не склевали. А с рябиной ему, храброму Зяблику, и зимой почти лето!

Игрушки лисят

Спешу к оврагу, где лисью нору вчера нашел. Перед норой светлел песчаный бугор, затоптанный лисьими лапами. На бугре валялось вальдшнепиное крылышко. Вот какой изысканной дичью кормила злодейка своих лисят!

Сползаю в овраг. Вот нора, вот бугор — и снова вальдшнепиное крылышко! Ишь, чревоугодники, нет, чтобы лопать мышей и крыс, подавай им дичь королевскую! Ох, не доведет лисят до добра такая избалованность.

Назавтра снова крыло, через день — опять. Но я уже не сердился: я догадался, что крылышко-то это одно и то же! Я ниткой его пометил, вот она, моя красная нитка.

Выходит, не такие уж лисята и привереды, как мне показалось. Кормят их чем придется. И похоже, не очень-то сытно: у норы никаких остатков — ни птичьей ножки, ни мышьиного хвостика. Дочиста все съедают. А все равно какие-то тощие, голенастые. И непонятно: зачем им, голодным, беречь это затрепанное крыло?

До света устроился я у норы.

Лисицы у норы не было: то ли ушла на охоту, то ли еще не вернулась. Лисятам скучно одним в норе, натошак не спится и не сидится. И вот самый храбрый не утерпел и высунул нос наружу. За носом заблестели прищуренные глаза. Страшновато, конечно, первому, да — была не была! Выскочил на бугор, напрягся пружинкой, чуть что — и метнется в нору. Но лисята перешептываются спокойно, шмель басит сонно, солнышко греет ласково. Лисенок пошел вприскок, разминая затекшие лапки. А из норы, как горох из мешка, высыпали остальные лисята.

И началось — покатилося! Каруселью один за другим, зубами за лапы и за хвосты. Сцепились клубком — куча мала! Засиделись в норе лисята.

И вдруг заметили брошенное крыло. То никому оно было не нужно, то подавай сразу всем. Кинулись вперегонки. Самый храбрый первым схватил и запрокинул мордочку вверх. Другие кинулись на него.

И снова куча мала!

Вот она и разгадка: крыло-то это не просто крыло, а лисяя игрушка! Крыло как мячик — его подбрасывали и ловили. Крыло тянули в разные стороны — «перетягивали канат». Крыло — и скакалка, и палочка-выручалочка. Кры-

ло прятали и искали, как это делается при игре в «холодно-жарко». С такой игрушкой не только про скуку, но и про голод можно забыть!

В конце концов игрушку, конечно, сломали, растрепали ее до перышка. Даже нитки моей не оставили. А я-то хотел его забрать, показать дома лесную игрушку.

Но лисята скучали недолго. Лиса принесла им новую забаву — мягкую заячью лапку. И лисята играли с ней, пока не выросли и не ушли из норы. Вот она, эта лисья игрушка, я теперь ею пыль со стола сметаю.

Имена зверей и птиц

Точные у многих птиц и зверей имена. Заяц-беляк — всю зиму белый. Дрозд-белобровик и в самом деле с белой бровью. Землеройка — в земле роется. Полевка — в поле живет. Но бывают имена неожиданные!

Полевка и вдруг... лесная! Лесная полевка. Поди догадайся: откуда она такая? Если «лесная», то, значит, из леса, но почему она тогда «полевка»? Или полевка и вдруг... водяная! Водяная полевка. Это так по-научному называют водяную крысу. Лучше бы уж попросту так и называли: водяная крыса.

А вот бабочка: голубянка торфяниковая. А она не голубая совсем, а... зеленая!

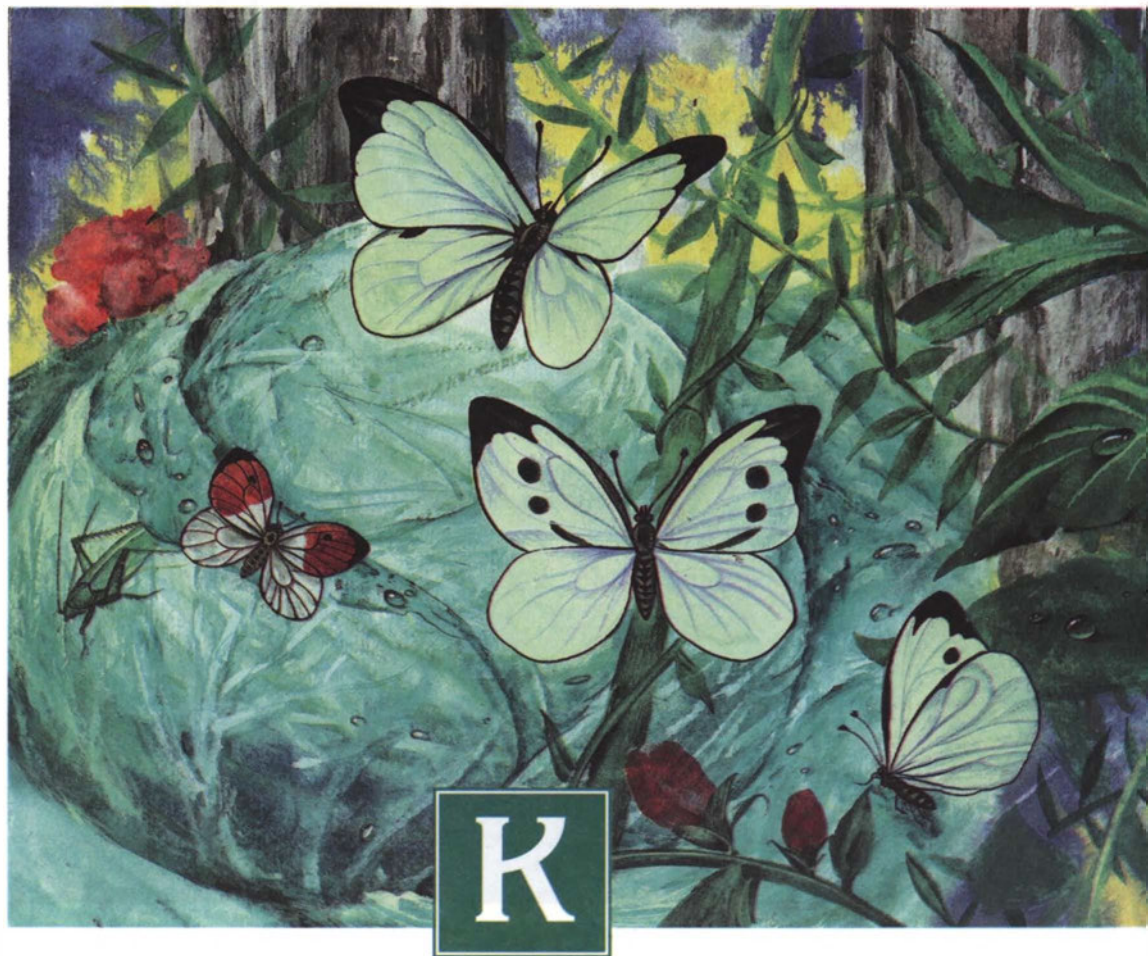

Слепень совсем не слепой. Сыроежку никто сырой не ест. Глухарь, если подсчитывать, за весь год глохнет всего на час-два. А прослыл глухарем. Как красивая птица поганка — поганкой. Мясо у нее невкусное. Но ведь не обязательно ее надо есть, можно и любоваться!

Белка совсем не белая. Косуля не косая. Есть такой зверь — гигантская бурозубка. Так вот этот «гигант» ростом с... палец!

Зяблик совсем не зяблик, прилетает, когда еще снег не стаял. Птица ржанка не ржет. И почему «хрустан»? Хрустит он, что ли?

Лучше, когда имя — ожидаемое. Говоришь «синица хохлатая» и видишь: хохлатая! Говоришь «зеленушка» — так и есть: зелененькая! А то только путаница одна.

Капустница

Все знают эту большую белую бабочку. Огородники даже издали ее узнают: в полете она как бы подскакивает, кидается из стороны в сторону, взблескивая на солнце крылышками. А как увидят, узнают, так скорей стараются отогнать. Беда, если эта бабочка успеет отложить на капусту яички! Выведутся из яичек зеленые гусеницы, совсем неприметные, но такие прожорливые, что сперва продырявят листья, а скоро оставят от кочанов одни кочерыжки. Очень любит капустница капусту. Очень не любят капустницу огородники.

Кузнечик

На опушке кузнечики-кузнецы куют — звенят веселые молоточки! Расселись кузнечики по цветам, стебелькам и листьям — куют наперебой во все крылышки. Ведь кузнечики не молоточками стучат, а крылышками сучат. Трут крылышко о крылышко, как ладонь о ладонь. На одном крылышке у них особые зубчики, на другом — особые жилки. Зубчики трутся о жилки, и получается стрекотание, похожее издали на веселый и быстрый перестук деловых молоточков. За это и назвали их кузнечиками-кузнецами. Хорошо назвали.

Кукушка

Кукушка — птица загадочная. Только кукушка не вьет гнезда и не выкармливает птенцов. Потому что сносит она за лето почти два десятка яичек — где ж ей одной с такой оравой птенцов управиться! Да и не сется с большими перерывами: были бы у нее в гнезде сразу и яички свежие, и взрослые птенцы. И что ей делать тогда: яички высиживать или птенцов кормить?

Вот и подбрасывает кукушка яички в чужие гнезда.

Почти у всех мелких птиц находили кукушечьи яйца. Даже у тех, что гнездятся в дуплах! Снесет яичко на землю, в клюв возьмет да и опустит в дуплышко тихонько!

Кукушонок, как вылупится из яйца, сейчас же начинает ворочаться и все из гнезда выбрасывать: яички так яички, птенчиков так птенчиков. Пока один в гнезде не останется. Тогда начинает есть просить. И ест за всех пятерых, что из гнезда выкинул. И скоро ему одному уже в гнезде тесно.

Приемным родителям покоя нет: с утра до ночи носят еду кукушонку. А тот все добавки просит. И скоро становится больше своих кормильцев. И так разевает рот, что страшно становится, как бы приемных родителей не проглотил!

Вот она какая — кукушка.

Ласточка

Первая ласточка, говорят, весны не делает. Может, и не делает, но объявляет. Уж коли появилась ласточка, значит, утвердилось весна!

Ведь что такое весна? Тепло, ручьи, цветы, птичьи песни. А началась весна еще зимой, когда медведь в берлоге на другой бок перевернулся и солнце повернуло на лето. С этого и началось. Потом оттепели, ручьи, сосульки. То вперед, то назад. Проталины, лужи, синие льды. Первые бабочки, пчелы. Первые грачи, скворцы, жаворонки. Настоящая пришла весна. А тут и ласточки прилетели — вестницы весны. Трава, цветы, живая вода. Танцы комаров и песни лягушек. Утвердилось весна, поворота к зиме уже не будет.

Об этом и объявляют ласточки: «Весна на дворе — знайте все!»

Летучая мышь

Ночью в лесу слышен самый слабый звук. Слышно, как упадет хвоинка. Как скребет под корою жук. Как пробежит землеройка — зверь ростом со шмеля.

Но вот с вырубki слышался звук громкий и незнакомый, резкая трелька из двух букв — «з» и «р»: з-р-р-р-р-р! З-р-р-р-р-р!

Иду осторожно, отгибая от лица колючие ветки. На вырубке светло от луны. Стоит засохшее дерево. В дереве черное пятно дупла. Незнакомая песенка-трель льется из дупла как ручеек.

Быстро вспоминаю ночных певцов: козодой, сверчок, кузнечик? Нет, все не то. Тихо подхожу к дереву и скребу его пальцами. Для жителей дупел тихое царапанье страшнее самых громких ударов. Уж им-то известно, что настоящий враг с барабанным боем по лесу не ходит!

Сейчас же стрекотание умолкает — и из дупла выпархивает... летучая мышь!

Потом я ушел от дупла, и трели слышались снова. Долго пела летучая мышь. Я слушал ее с удовольствием. Лету конец, птицы умолкли давно, и в безмолвии ночи радуешься любому живому голосу. Да и песенка совсем не плоха, хоть и вся-то она из двух букв.

Лиса

Ну и погода, чтоб ей ни дна ни покрышки!

Дождь, слякоть, холод, прямо — бр-р-р!.. В такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выпустит.

Решил и я свою не выпускать. Пусть дома сидит, греется. А сам взял ружье, взял бинокль, оделся потеплее, надвинул на лоб капюшон — и пошел! Любопытно все-таки поглядеть, что в такую непогоду делает зверье.

И только вышел за околицу, вижу: лиса! Мышкует — промышляет мышшей. Рыскает по жнивью — спина дугой, голова и хвост к земле. Вот легла на брюхо, ушки торчком — и поползла: видно, мышшей-полевок заслышала. Сейчас они то и дело вылезают из норок — собирают зерно на зиму.

Вдруг вскинулась лиска на дыбки, потом пала передними ногами и носом на землю, рванула — вверх взлетел черный комочек. Лиса разинула зубастую пастишку, поймала мышшь на лету. И проглотила, даже не разжевав.

Да вдруг и заплясала! Подскакивает на всех четырех лапах, как на пружинках. То вдруг на одних задних запрыгает, как цирковая собачка. Хвостом машет, розовый язычок от усердия высунула.

Я давно лежу, в бинокль за ней наблюдаю. Ухо у самой земли: слышу, как она лапками топчет. Сам весь в грязи вымазался.

А чего она пляшет, не пойму! В такую погоду только дома сидеть, в теплой сухой норе! А она вон чего выкамаривает, фокусы какие ногами выделявает!

Надоело мне мокнуть — вскочил я во весь рост. Лиса увидала — тявкнула с испугу. Может, даже язык прикусила. Шасть в кусты — только я ее и видел! Обошел я жнивье и, как лиса, все себе под ноги гляжу. Ничего примечательного: размокшая от дождей земля, порыжелые стебли. Лег тогда по-лисьему на живот: не увижу ли так чего?

Вижу много мышинных норок. Слышу: в норках мыши пищат.

Тогда вскочил я на ноги и давай лисий танец отплясывать! На месте подскакиваю, ногами топочу.

Тут как поскачут из-под земли перепуганные мыши-полевки! Из стороны в сторону шарахаются, друг с другом сшибаются, пищат пронзительно... Эх, был бы я лисой, так...

Да что тут говорить: понял я, какую охоту испортил лисичке. Плясала — не баловала, мышей из норок выгоняла... Был бы тут пир на весь мир!

Оказывается, вон какие звериные штучки можно узнать в такую погоду: лисьи пляски!

Плюнул бы я на дождь и на холод, пошел бы других зверей наблюдать, да собаку свою пожалел. Зря я ее с собой не взял.

Скучает, поди, в тепле-то под крышей.

Мотыльки

Ночь за окном: теплая, черная — бархатная. В черное окно то и дело стучат: мягко, вкрадчиво, но настойчиво. Обитатели ночи летят на свет.

Бабочки лопочут крыльями по стеклу исступленно, словно кто-то за ними гонится и вот-вот схватит из темноты. С их крылышек облачком искрится пыльца, и совиные глазки горят тревожным розовым светом. Камешком стучаются в стекло тяжелые и жесткие ночные жуки.

С вечера еще налетели в комнату мотыльки: сейчас они мельтешат у лампы. Гибельно для них очарование света! Отпугивай, отгоняй, а они все равно будут рваться на свет и кидаться прямо в огонь.

Утром смахну со стола груду обгорелых телец, поражаясь бессмысленности их смерти. Каждую ночь в неисчислимых огнях сгорают несметные полчища этих крохотных шедевров неведомого художника. И не знаешь, как их спасти.

Муравьи

До чего, оказывается, интересно смотреть под ноги! И не думал, что столько в лесу диковин прямо у нас под ногами.

Среди других диковин и муравейник: пирамида египетская, построенная насекомыми!

Но пирамида повреждена. Незвестный злоумышленник прокопал сбоку ход, чуть не до самого центра. По следам догадываюсь, что это работа дятла. Черного или зеленого. Оба они любители муравьев и чаще других копаются в муравейниках.

Сгреб я горстями раскиданный мусор, засыпал дыру, выровнял купол — остальное пусть сами муравьишки доделывают. Мне в их ходах-выходах, тоннелях и камерах не разобраться.

Прохожу через месяц — муравейник снова разрыт! На этот раз медведем. Шел медведь, учуял нагретый муравейник, свернул к нему — и смахнул лапой сразу полкупола.

Снова сгребаю мусор, насыпаю, выравниваю. За муравьями опять остаются внутренние доделки. На этот раз придется им поработать! Не знаю, как муравьи, а я уже закипаю! У муравьев и так всегда работы по горло, а тут еще эти громилы. Ремонт за ремонтом!

Через месяц снова натываюсь на муравейник — опять разрыт. Рябчиками. Расчесали макушку, разгребли, раскидали мусор — поклевали муравьиные яйца.

«Ну, если вы так! — говорю. — Тогда кто кого! Вы будете громить, разбрасывать, портить, а я с муравьями буду чинить. И посмотрим еще, кто кого одолеет!»

Снова я муравьиную кучу досыпал, выровнял, купол лучше, чем раньше, стал. Муравьи, конечно, могут и сами купол сложить, но сколько нужно будет лишних трудов и хлопот, сколько времени! Ведь каждая хвоинка-соринка для муравья все равно что для нас бревно. А их, этих соринок-хвоинок, тысячи тысяч! Ни на что другое тогда у них уже ни сил, ни времени не останется: ни на охоту, ни на кормежку деток, ни на прогревание куколок. Ослабнет муравейник и захиреет.

Через месяц нарочно пришел к муравейнику — проверить. И снова полный разгром! Кабан на муравейнике спал. А перед сном, чтобы было удобно и мягко, свез рылом купол, раскидал и разровнял мусор — словно взбил пуховую перину! — и улегся на сухонькое, довольно похрюкивая. И вот вместо муравейника просто куча мусора, а вместо купола — яма. Вот свинья!

«Ничего, ничего! — успокаиваю себя. — Одолеем и кабана. Не унывать, муравьишки, всех одолеем!»

Сгребаю ногами, бросаю горстями, ссыпаю, приглаживаю, пришлепываю. Сложил пирамиду-купол. Достанется, конечно, муравьишкам прокладывать в этом хаосе ходы-проходы! Да им уж теперь не привыкать...

Я даже повеселел! Медведя и кабана одолели — кого нам теперь бояться? Некого нам бояться. Разроют — сложим. Что за беда!

А беда была рядом. Когда я снова пришел к муравейнику — не было муравейника. Вместо него — яма с пеплом. Черное кострище, гарью пахнет — нечего и собирать. Кто-то просто так, походя бросил на муравейник спичку или окурок. А может, и нарочно поджег. Для смеху. Встречаются еще такие шутники.

Простительно дятлу и рябчику, простительно медведю и даже дикой свинье. Им это необходимо. И после них муравьи могут все поправить. А тут непростительно и непоправимо, тут ничего уже поделать нельзя.

Встретить бы этого, что со спичками, и спросить: «Зачем ты поджег муравейник?» Интересно: что бы ответил он? Какими бы посмотрел глазами?

Мухомор

Мухомор в лесу — сказочная Красная Шапочка! Не хочешь, а становишься. Как только у иных на него нога поднимается!

Похож и на гномика в бисерном колпаке и кружевных панталончиках. Вот-вот шевельнется, поклонится тебе и что-нибудь скажет...

И есть еще у мухомора тайна. Ядовит он и несъедобен, а... его едят и не болеют! Лоси, бывает, едят, сороки клюют, даже белка, на что уж в грибах разбирается, а и та, случается, мухоморы на зиму сушит. Мухомор, как и змеиный яд, в малых дозах не отравляет, а... лечит! И звери с птицами об этом знают. Знайте и вы. Но только никогда сами — никогда! — не вздумайте мухомором лечиться. Мухомор, он все-таки мухомор: раз уж мух морит, то может и вас уморить!

Наст

Все вдруг стало доступно! С ночи подморозило, и непроходимые из-за рыхлого снега леса и болота стали доступны: иди! Хочешь — иди или даже беги: наст как асфальт — не провалишься, не споткнешься.

Ветки с утра в белом ворсистом инее, посверкивают лиловыми и красными искорками. Пар изо рта, стынут зубы, ноздри слипаются. Синие тени исполосовали снег. И соблазны со всех сторон!

Далеко на маковке ели черный косач сидит. На ветле у речки желтоголовая овсянка звенит бубенчиком. На сухой осине дятел стучит, да так, что только голова мелькает. В ольшанике квохчут и повизгивают дрозды.

Но берегись, не поддавайся сладкому зову лесных сирен! Они заманят тебя в глубину леса и бросят. Забредешь сгоряча далеко от дороги, разбегутся твои глаза — и не заметишь, что солнце уже пригрело. Затрещат на болотах льды, а в лесу начнет ухать и оседать снег. Спихватишься тут, да поздно!

Наст размяк и не держит: шагнул — и провалился по самый пах. Полбеда еще, если б снег совсем не держал: продирался бы по раскисшей снеговой каше, как вброд по воде. Так нет: он то держит, а то не держит. Одна нога по колено увязнет, а другая, как на ступеньке, сверху торчит. А начнешь на нее опираться и выжиматься — ступенька хрясь под ногой! И снова в снегу по пояс. И зубы лязгнули, и голова мотнулась. Не ходьба, а сотрясение мозгов!

Снова ногу на снег закидываешь, и снова — хрясь! Все внутри сотрясается и подскакивает. И снова клацают зубы — как у собаки, хватающей мух. За спиной пар клубится, под курткой горячо, за голенища сверху сыплется снег, а снизу из твоих же следов заплескивается вода. Теперь тебе ничего уже не увидеть и не услышать, а сам ты у всех на глазах. Гром, треск и плеск от тебя на всю округу: ломишься, словно лось, и пыхтишь, как медведь. Копошишься, как муха на липкой бумаге, и едкий пот заливает глаза. Сколько раз зарекался не уходить по заманчивому насту в лес! И сколько раз уходил...

Ночная кукушка

Ночная кукушка дневную перекукует. Днем все кукушке мешают, а ночью она одна. Только глухо вода бормочет да тихо урчат лягушки. Свет мутной луны с трудом делит темноту на землю и небо. И над приглушенно бормочущей тишиной разносится далеко чуть печальное кукование кукушки.

Словно бьет невидимый молоточек по сияющим шляпкам звезд.

Любо петь в ночной тишине. Все тебя слышат, и все догадываются: скоро и наш черед. Ночная кукушка как запевала — всех будит до солнца. Проснутся и залетают над болотом, скрипя крыльями, хохлатые чибисы. Уныло засвистят на поседевших кочках длинноносые кроншнепы. Закудахчут в чапыге дрозды-рябинники. Журавли протрубят в гулкие трубы. А там пропоет и зяблик — бойко, лихо, словно горлышко родниковой водой прополощет! Потом и солнце взойдет.

Но все это будет потом. А пока тишина — и кукует ночная кукушка. Бьет и бьет невидимый молоточек по шляпкам звонких звезд: «ку-ку, ку-ку!».

Если хочешь долго прожить, торопись в лес годы считать. Вот уж накукует их тебе ночная кукушка — на две жизни хватит. Еще и останется.

Ночь

Лес растворился в сумраке и поплыл. Кусты и деревья сгустками тьмы шевелились в вечерней мути. Кончились задумчивые вечерние песни; отсвистели на еловых маковках певчие дрозды, глазастенькие зарянки рассыпали по сучкам звонкие осколки своих песен. Вечер сменяла ночь. Наступала пора густых сумерек и ночных лесных происшествий.

Загудукал ночной сыч. Самого сыча в темноте не видно, и кажется, что перелетает с дерева на дерево сычиный крик. Долго куковала в темноте ночная кукушка, и ей за болотом отвечало далекое эхо.

Люблю слушать весеннюю ночь. Мышь прошуршит в сухих листьях. Утиные крылья вдруг просвистят в вышине. Суматошно, словно их кто напугал, прокурлычут журавли на далеком болоте. Солидно, не торопясь протянет вальдшнеп, будоража тишину своим посвистыванием.

Даже в самую глухую полночь, когда живых голосов не слышно, лес не безмолвствует. То ветер повозится в вершине дерева. То скрипнет сук. То, щелкая по сучкам, упадет старая шишка.

Но есть в каждой ночи пора, когда наступает полная тишина. Перед ней зашевелиятся и поплывут в вязкой тьме сгустки мглы: это на смену ночи близится темнотень. Лес словно вздохнет: тихий ветерок пролетит над вершинами и каждому дереву что-то шепнет на ухо. Ели и сосны ответят ветру, и поплывет над лесом тягучий гул хвойных вершин как отзвук далеких колоколов. Вот в этот миг, когда лес еще по-настоящему не проснулся, и наступает время полной ночной тишины.

Хоть тысячу раз слушай — и каждый раз все будет по-новому. Как не бывает одинаковых дней, так и ночь на ночь не похожа. Сколько провел ты в лесу ночей, столько осталось и зарубок на памяти.

Оляпка

Зимует оляпка на речной полынье. Неплохо зимует, в полынье купается, на льдинках катается. Еще и песни поет.

Нырнет в ледяную воду и бродит по дну пешком. Взмучивает лапками ил, нос под камни сует — ищет поживу. А как найдет — так наверх. Всплывет, на льдину взлетит и долбит жука, раковинку или шитика-ручейника.

Весь зимний день то плавает, то ныряет, то по дну бегаёт. И не намокнет: перо у него водоотталкивающее. И не замерзнет: перо плотное, теплое. Да еще изнутри жуки и личинки греют.

А набегаётся, наплавается, нанырывается — на льду лежит, отдыхает. Поплевывает жучиными жесткими крылышками — как подсолнечной шелухой. Отдохнет — снова на льдинах катаётся. Высматривает на дне жуков и личинок. И песни поет.

Ондатра

Омут черный, дна не видно, берег круто спускается в глубину. И весь он какой-то бурый, мохнатый — как войлок. И тоже темный.

И только в одном месте цепочка ярко-желтых пятен — словно освещенные иллюминаторы на борту парохода. Тут кто-то живет!

Желтые пятна — это кучки песка.

Над ними темнеют норы. Вот из золотой норы вываливается серебряный зверь — как воздушный пузырь, как ком живой ртути!

У зверя тупая мордочка морской свинки, голый хвост крысы и черные утиные лапки. Плывет он вразвалку и вперевалку, как ленивый байбак. Это ондатра.

На берегу у нее столовая — груды раковин-беззубок, похожих на осколки битых тарелок из перламутра.

Вот какой важный зверь: сам серебряный, нора золотая, посуда перламутровая!

Опенки

Опенки, понятно, растут на пнях. И бывает, до того густо, что под ними и пня не видно. Словно пень осенними листьями с головой засыпало. А потом они ожили и проросли. И стоят нарядные пни-букеты.

С маленькой корзинкой опенки не собирают. Сбирать так уж собирать! Опенки охапками можно брать, граблями, как говорится, сгребать или косой косить. На жарено и на соленье хватит, еще и на сушку останется.

Просто их собирать, да не просто до дому донести. Для опят непременно нужна корзина. Натолкаешь в рюкзак или в мешки целлофановые — и принесешь домой не грибы, а грибную кашу. И тогда все это месиво — на помойку.

Можно второпях вместо настоящих опят ложных наломать. Этим и из корзинки место лишь на помойку: ни на жарено, ни на варено не годятся.

Конечно, и настоящим опятам далеко до грибов белых и красных. Но если неурожай на них, так и опенкам рад. А если и урожай, все равно рад. Что ни пень в лесу — то букет осенний! И мимо все равно не пройдешь, остановишься. Если и не собрать, так хоть посмотреть, полюбоваться.

Пищуха

Как только снег окреп и заискрился, отправился я в лес. Не люблю снимать на задворках! Вблизи домов птицы какие-то не настоящие, не дикие, домашние какие-то. Не то что в лесу. Да и кого на задворках встретишь? Воробьев да ворон.

И вдруг вижу: ползет что-то по стволу сосны. Не то мышь, не то птичка. Нет, не мышь — птичка: клювик впереди торчит. Странный клювик: острый и изогнутый, как шильце. Да и птичка странная: не бежит, не скачет, а ползет. Ползет и носик-шильце во все трещинки сует. Сверху буренькая, снизу светленькая, как мышь. И шуршит на стволе, как мышь.

Я вскинул аппарат. Вот она, птичка-мышка, на матовом стекле — прямо перед глазами! И только на спуск нажать, пичужка раз — и за дерево! Стал я вокруг ствола переступать. Я переступаю — птичка переползает. Попискивает насмешливо. Я по одну сторону — птичка по другую. И все пищит — пищуха какая-то!

Сделали круг. Вокруг сосны колечко моих следов.

Начали второй. Аппарат у глаза: как поймаю, так и щелкну. Только бы догнать. Да попробуй догони!

Вокруг сосны уже тропинка. А мы все кружим: я — с одной стороны, птичка — с другой. Кружим и кружим.

Пичужке первой надоело кружить. А может, все щели в коре проверила. Спокойно сидит. Только что это: вижу две сосны и две пичуги? Какую снимать, по какой фокус наводить?

Вот закружила: в глазах двоится!

Навел я аппарат между деревьев и между двух пичуг и нажал на спуск — была не была! Получилось — «была». Вот она какая на карточке: носик шильцем, хвостик подпорочкой. А зовут ее и в самом деле пищухой. Занятная птичка — лесная. Такую на задворках не часто увидишь.

Первоцветы

Первоцветы и есть первоцветы: первыми зацветают весной. Не везде еще и снег сошел, а они цветут. Зелени еще не видно, а уже цветочное разнообразье! Глаз радостно и удивленно задерживается на ярких пятнышках на блеклой ветоши, только что вытаявшей из-под снега. Потом появятся цветы нарядней, пышнее и ярче, но скромные первоцветы волнуют больше — как все первое.

Невысокие прутики волчьего лыка, усыпанные розовыми венчиками, пахнущими туалетным мылом. Желто-зеленые — сразу и не увидишь! — звездочки гусяного лука. Яркие, как солнечные зайчики, «беретики» мать-и-мачехи: над ними уже порхают нетерпеливые крапивницы.

Под темными елками вкрут усыпано синими перышками! Густо зацвели печеночницы-пролески. Ты на них уставишься, а они на тебя — джожинами синих глаз.

Сине-розово-голубые башенки медуницы: их старательно обыскивают шмели. Розоватые большие колокольчики прострела, или сон-травы. Стебли у них такие мохнатые, что сияют на солнце. Опушки, поляны, сырые низинки испятнаны бело-зелеными пятнами: это повернулись к солнцу лапчатые зеленые листья и белоснежные венчики ветреницы, которую чаще называют просто подснежником. Их так много, что в глазах рябит. Подойдешь и ждешь, что вот обдаст тебя теплым ароматом, а запаха-то никакого нет! Так, чуть сырой травкой пахнет. Но и этому запаху рад после беззапаховой зимы.

Пчелы

Живут пчелы среди цветов и солнечной благодати. И чего только они такие сердитые и кусачие! Мед, наверное, тяжело достается. Нам с вами что: подцепил ложку меда да и в рот. А им, чтобы ложку меда собрать, не одну тысячу цветов облететь надо. А чтобы банку меда собрать, так пролететь, наверное, надо не меньше, чем от Земли до Луны!

Миллионы цветов! Чтобы только сосчитать до миллиона, нужно считать целый месяц — день и ночь. А им надо миллион цветов найти, облететь, обобрать, принести в улей и обработать.

Труды пчелиные не только мед. Думаете, яблоками медовыми, наливными нас только яблони угощают? Еще и пчелы! И сливой, и вишней, крыжовником и смородиной. И всеми лесными ягодами: малиной, черникой, брусникой, морошкой, клюквой и голубикой. Если бы пчелы, собирая мед, не опыляли их, не видеть бы нам ни фруктов, ни ягод, ни соков и ни варенья. Самим бы пришлось, ползая на коленях, опылять цветы кисточкой — ничего себе работенка! Никаких трудней на нее не хватит. Все бы другие дела пришлось бы забросить!

А с пчелами жизнь наша сладкая и беззаботная. А что иногда ужалют, так ведь можно и их понять. Все лето они в трудах и заботах, без праздников и выходных — от зари до зари. Миллионы цветов, путь от Земли до Луны, а вместо меда пустые соты. Мы пришли и все выкачали до капельки. Горек для пчел этот сладкий мед...

Рысь

...Перед рассветом рысь вышла из мрачного ельника на лунное моховое болото. Плыла серым облачком между корявых сосенок, неслышно ступая широкими лапами. Напряжены уши с кисточками, топорщатся у губ изогнутые усы, в черных глазах зигзаги луны.

Наискосок, шурхая снегом, прокатил заяц. Рысь кинулась за ним жадными стремительными прыжками, но опоздала. Помедлив, серое облачко плавно поплыло дальше, оставляя за собой многоточие круглых следов.

На поляне рысь свернула к лункам тетеревов, но лунки были выстуженными, позавчерашними. Учужала у ручья спящих под снегом рябчиков, но рябчики и сквозь сон слышали ее тихие крадущиеся шаги по крыше своей снежной спальни и выпорхнули в пролом, как в чердачное оконце.

Только в слепом предрассветном свете удалось рыси сцапать белку, зачем-то спустившуюся на снег. Тут было натоптано и накручено — снеговая толока. Съела целиком белку, оставив пушистый хвостик.

Дальше пошла, сдвоила по-заячьи след, покаталась в снегу. Еще прошла, вырыла лапой у сосенки яму — снеговые стены все в бороздках когтей. Но что-то ей тут не понравилось, бросила яму, вспрыгнула на снеговую кочку, повертелась, отопталась и улеглась. И дремала, как ленивая кошка на теплой лежанке.

А теперь я на ее кочке сижу — слушаю лес. Ветер накатывается на сосны, и вершины пылят снегом. В лесной глубине затаенно дятел постукивает. Пухляк шелестит сосновой чешуйкой, как мышонок бумажкой. Все это слышала рысь и вчера. Вчерашний снег обо всем рассказал.

Рябчик

Рябчик — это лесная курочка-ряба. Как и положено курочке-рябе, несет она золотые яички. Только не простые золотые, а в крапинку. Но бережет и прячет их пуще золота!

Сидит на них, почти не вставая. Рябенькая от носа и до хвоста: перышко к перышку, пятнышко к пятнышку. Рядом не разглядишь! Лесная мышка бежала, хвостиком махнула — лесная курочка-ряба даже глазом не моргнула. Заяц протоптал — носом не повела. А лисицу увидела — навстречу кинулась, забилась, заколотилась, словно подбитая, и то бегом, то летом увела разбойницу от гнезда.

Никто золотые яички ее не разбил. Пока они сами не лопнули. И вылупились рябчата: дюжина живых одуванчиков на быстрых ножках. Шариками покатались за курочкой-рябой. С ней и они уцелеют, как уцелели золотые яички.

Скворец

Ласточка день начинает, соловей кончает. А между ласточкой и соловьем любит петь скворец. В песне скворчиной чего не услышишь: есть там и ласточка, есть соловей и много других птиц. И никого это не удивляет: все знают, что скворец — пересмешник.

Знали это и мы, но скворец нас удивил. Сидел он на лиловой ольшинке у дома, взмахивал крыльями и насвистывал «Чижика»! Здорово так высвистывал: «Чижик-пыжик, где ты был?» Потом разная скворчинная болтовня, тягучий печальный свист, и опять бодро и весело: «Чижик-пыжик, где ты был?»

Мы постучали в дверь ближнего дома. Вышел паренек, посмотрел на нас, потом на скворца и сказал:

— Мой скворчик. Я научил.

Случилось все так. Выпал прошлым летом из скворечни голопузый скворчонок. Мальчонка хотел его назад положить, да не смог: уж больно тонок был у скворечни шест. Стал он кормить сироту рубленым яй-

цом и творогом. Скворчонок быстро рос и скоро стал есть сам: кормилец за стол — приемыш на стол, поилец за чай — скворчонок в чай. Тут обоих из-за стола долой!

Сидит кормилец в углу и «Чижику» под нос свистит. Сидит скворчонок у него на плече и прямо в рот смотрит. Сидел так, смотрел да и сам «Чижику» выучил! И называли за это скворчонка Чижиком.

Осенью дикие скворцы сбились в стаи и потянули на юг. Жалко мальчишке стало Чижику, вынес он его на луг и подпустил к дикой стае. Прорумели птичьи крылья, и нет никого.

Долго тянулась зима. Мальчишка скучал без скворца и один насвистывал «Чижику». А скворец его не забыл: примчался весной жив и здоров!

Слушали мы скворца до соловьиного часа. Не близка была его дорога домой: крошечная птаха и необъятный горизонт. Где, бродяжка, зиму зимовал, какие земли видел? Чижик-пыжик, где ты был?

Соловей

Пел в черемухах соловей. Без передышки пел, звонко и хлестко. Язычок его в широко разинутом клювике бился как колокольчик. Когда только успевает он есть и пить!

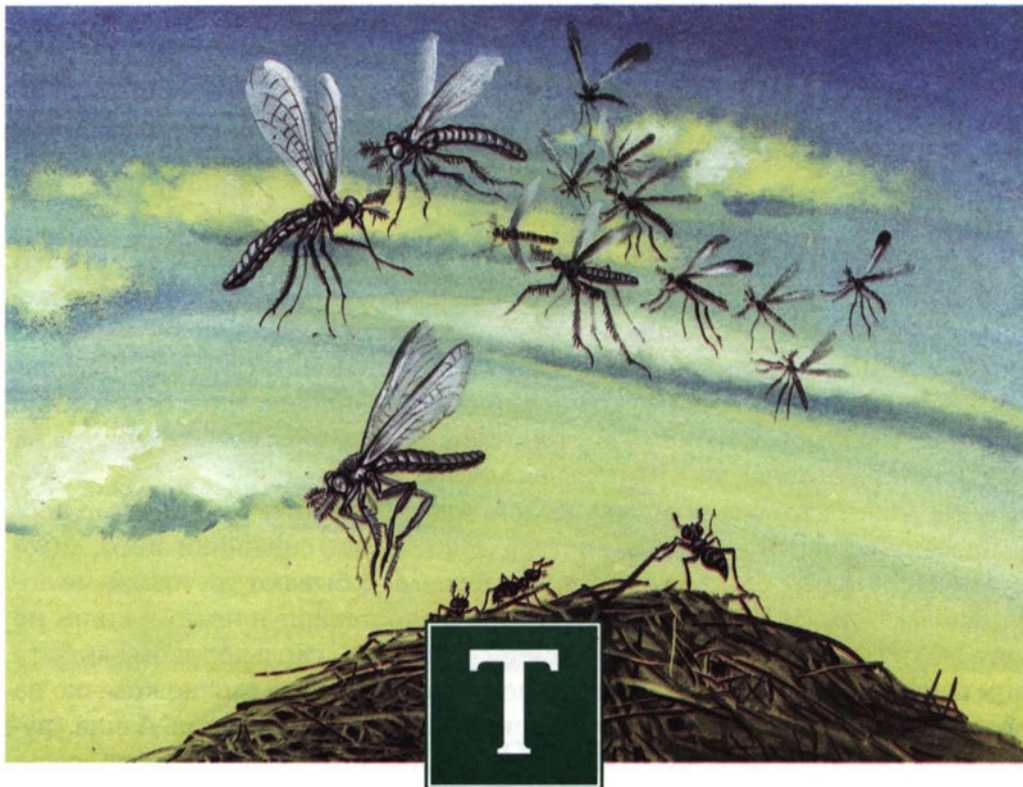
Ведь песней одной сыт не будешь.

Свесил крылышки, запрокинул головку, острый клювик его щелкает, как ножницы в руках ловкого парикмахера. Щелкает и выщелкивает такие звонкие трели, что даже соседние листики вздрагивают и теплый парок вырывается из разгоряченного горлышка.

...А на парок слетаются комары! Под тугое перо им носа не подточить, так зундят они над разинутым клювиком. Сами в рот так и просятся, на язык сами липнут!

Щелкает соловей песни и... комаров. Два дела разом. И одно другому не помеха.

А еще говорят, что соловья песни не кормят!..

Толкуны

Комары-толкуны — плясуны известные. Пляшут они где придется, было бы только тепло. Тепло их бодрит, веселит, прямо на воздух поднимает.

Где тихо, солнечно, где нагрето, там у них и площадка для танцев. В теплых струях им легче плясать.

Пока еще снег на земле, пляшут они между нагретыми солнцем сосновыми ветками. Потом толкутся над первой теплой проталиной. Над оттаявшим муравейником, над прогретой поленницей дров, над копной соломы. Над отогревшимся склоном, над подсохшей тропинкой, над вскопанной грядкой. Вверх-вниз, вверх-вниз — живой столбик золотистых пылинок. Каждую маленькую победу весны они отмечают танцем.

Идет весна — и ширятся танцы. Любят комарики поплясать. Бывает, над головой зароятся. Гонишь, гонишь, а им нипочем. Пляши, раз тепло и солнце. А что там внизу, чья-то голова или дров поленница, — какое им дело? До этого им дела нет.

Трутовик

Трутовик как лесная полочка! И хочется на эту полочку что-нибудь положить: шишку, гриб или хотя бы желудь. Нарочно что-нибудь найдешь и положишь. И посмотришь со стороны. А то собьешь трутовик и заберешь с собой. Чтобы дома устроить полочку на стене. И тоже что-нибудь на нее поставить. Что-нибудь на память о лесе.

Лесные эти полочки даже дроздов в соблазн вводят, дрозды нередко устраивают на них свое гнездо. Гнездо-чаша красуется на грибе-блюдецке. Видел на трутовике белку: сидела и шелушила шишку. Нарисуй так ее художник — так не поверят же! Пухляки садятся на трутовик, бабочки-траурницы. Трутовики и без живых украшений бывают хороши: кто с белой, кто с красной, кто с оранжевой губой-оторочкой. Да еще и с капельками росы на ней: сияет на солнце, как хрустальная люстра.

На лесных грибах-полочках можно найти приметы времен года: первый осенний листик — начало листопада, последние снежинки зимы, лиловую летнюю кляксу дрозда — черника поспела! А бывают трутовики не полочки, а... копыгга! На копыгто ничего уже не поставишь и не положишь, но зато оно ведет счет годам. И можно легко сосчитать, сколько такому копыгту зим и лет: каждое лето нарастает на нем новый валик — словно колечко на детской пирамидке. Копыгга-календари отмечают лесное время. А еще трутовики отмечают памятные события. «Копыта» и «полочки» растут всегда губчатой стороною вниз. И когда ураган валит в лесу деревья с трутовиками, то можно потом через много лет узнать, когда случилась буря: стоит только сосчитать валики на трутовиках, выросших на поваленном дереве.

Трясогузка

Та самая, что гузкой трясет, покачивает длинным хвостиком. Стройная, быстрая, ловкая! По кромке воды или по коньку крыши так быстро бегают, что и ножек ее не видно! Словно на велосипеде катит. Еще на бегу и выпады клювиком вправо и влево — как рапирой. Раз, два — и мухи нет!

Поет трясогузка незамысловато, но ранней весной и такой песне рад. А прилетает она к нам, как только живая вода пробьется. Даже примета есть: трясогузка прилетела — ледохода жди. Она, мол, длинным хвостом лед на реке разбивает!

Трясогузка и впрямь всегда у воды. И если уж не у озера или речки, то хотя бы у лужи. У воды ей и стол и дом.

А еще трясогузки любят... деревенское стадо!

У лошадей и коров под копытами путаются, на лошадиных и коровьих спинах катаются. Не баловства ради, а ради слепней, комаров и мух. И все довольны — коровы и трясогузки. И пастухи: спокойные коровы больше молока приносят. А лошади не брыкаются.

Удод

На земле удод похож на роскошный цветок, а в полете — на огромную бабочку. За рыжий хохол его называют «лесным петушком», а за крик «упу-пуп!» — «упупиком». Вот только за длинный нос удод не получил еще прозвища.

Любит удод свой длинный нос во все щели совать! А что делать, если его завтраки и обеды по щелям прячутся? Пока червяка заморишь, сто раз нос прищемит.

Но хитрый удод приспособился. Темная щель в земле, и что-то в щели блестит. Можно, конечно, как всегда, просто нос засунуть — пусть прищемит в сто первый раз. А если сперва за паутинку подергать?

Так и есть! Паук сам навстречу выскочил, показалось ему, что кузнечик в его паутине запутался. И проглотил удод завтрак без особых хлопот. И носа не прищемил!

И повадился. Бродит и за паутинки дергает. Пауки так из щелей и выскакивают: на завтрак, на обед и на ужин!

Уж

Чуть на змею не наступил! Хорошо, успел ногу отдернуть и отскочить. Но змея-то дохлая! Кто-то ее убил и бросил на видное место. И давно уже: попахивает и мухи жужжат.

Перешагиваю через дохлятину, нагибаюсь к ручью руки сполоснуть. Хороша ручьевая вода! Промокнул лоб платком, вытер лицо и руки, обернулся, чтоб повесить платок на солнышко, а змея-то дохлая в кусты удирает! Воскресла и уносит ноги. Ну, не ноги, конечно, какие у змеи ноги! Но уподобляет проворно и торопливо, так и подмывает сказать: со всех ног!

В три прыжка нагнал я внезапно ожившую змею и легонько прижал хвост ногой — так просто, чтоб только ее остановить. Змея замерла, свернулась кольцом, а потом вдруг как-то странно вздрогнула, выгнулась, перевернулась пятнистым брюхом вверх и... околела! Во второй раз... Голова ее, похожая на бугон с двумя оранжевыми пятнами-лепестками, запрокинулась, нижняя челюсть отвалилась, черный язык-рогулька безвольно вывалился из красной пасти. Лежит расслабленно. Трогаю — не шевелится. И снова запах дохлятины, и мухи на него слетаются! Хоть глазам не верь. Змея притворилась мертвой, чтобы ее не трогали! Змея потеряла сознание!

Слежу краем глаза со стороны. И вижу, как уж (а это он) начинает потихонечку «воскресать». Вот закрыл пасть, вот перевернулся на брюхо, поднял глазастую голову, помахал языком, пробуя ветер на вкус. Опасности вроде нет — можно и удирать.

Рассказать такое — ведь не поверят! Проходу потом не будет. Ну если б пугливая дачница грохнулась в обморок, встретив змею. А то змея! Змея потеряла сознание, змея в обмороке!

И все-таки я рассказал. А знаете почему? Потому что не я один для ужей такой страшный. И вы не лучше меня. Если ужа напугаете, вздрогнет он, свернется и «околеет». Дохлее дохлого будет лежать, и запах будет, и мухи слетятся. А отойдете — и уж воскреснет. И бросится в заросли со всех ног. Хоть и безногий...

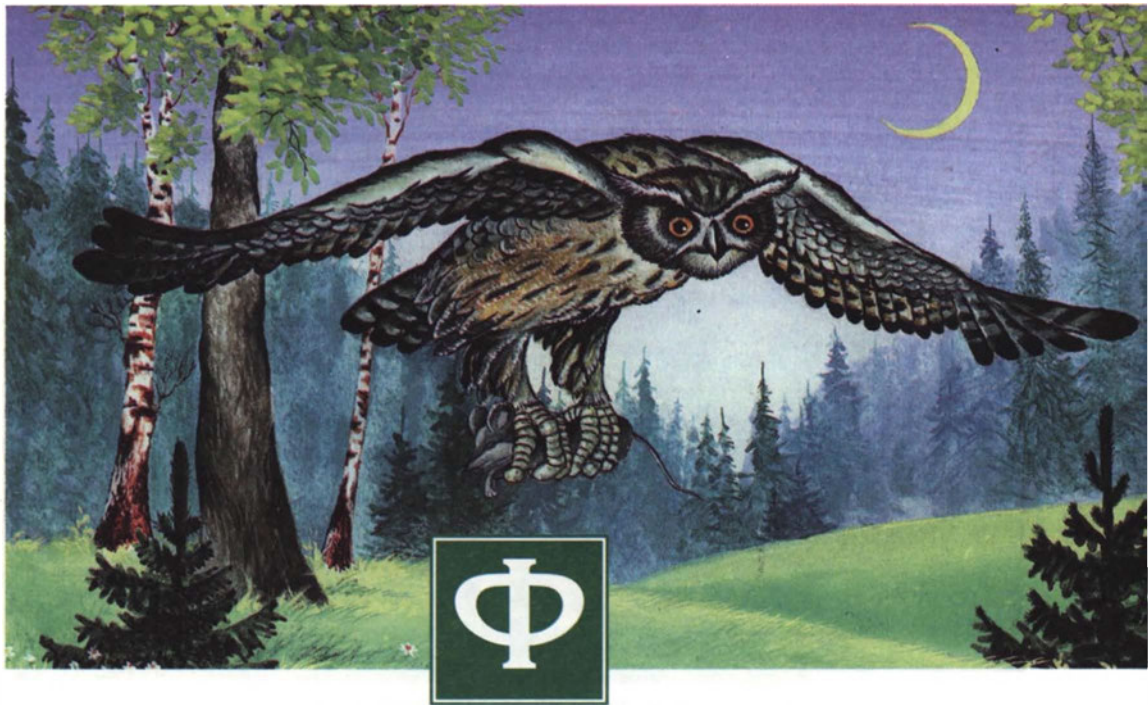

Ухоронки

У всякого свои ухоронки, каждый прячется как умеет. Бывают такие, что ждать не ждешь и думать не думаешь! Раз осенью под моим челном повадились прятаться красавица траурница, лягушка золотоглазая и жаба бородавчатая. Переверну утром челн, а приживальщики кто куда: бабочка влет, лягушка в воду, жаба в траву. Вернусь с рыбалки, челн на ночь переверну — наутро под ним та же троица!

А то разбирал поленницу — так между дров ящерицы попрятались. В скворечнике раз поселились лесные мыши — превратился скворечник в мышатник. Дранка во дворе была сложена — в ней летучие мыши жили. Каждый вечер из щелей вылетали и комаров ловили. Под корытом старым семья землероек прижилась; так и шмыгали по вечерам туда-сюда. В копне за домом полевки прятались, каждую ночь на копне сыч дежурил: не высунется ли какая? Паук в яичной скорлупе поселился, в хоромах белокаменных жил. А один жук-навозник в грибе спрятался! Прогрыз в ножке ход и копошился внутри. Пока вместе с грибом в кузов не угодил. Хоть и груздем не назывался...

Филин обыкновенный

У обыкновенного филина все необыкновенно! Глаза: огромные, оранжевые, блестящие. Этими глазами он даже ночью мышонка видит. А когти! Как у рыси: глухаря и зайца может скогтить. А клювище! Умеет им громко щелкать, а если надо, то и шкуру спустить. С того же зайца.

Но чаще он добычу свою... целиком глотает! Говорят, что даже ежей... Филин — птица необыкновенная.

Вот пожалуйста! Снесла филиниха два яйца: белые, круглые, словно мячики. Села парить. Сидит, а под ней чудеса происходят: яйца-то день ото дня... худеют! Все легче и легче становятся. За двадцать дней на четверть веса своего полегчали. И если дальше так пойдет, то останутся от них к концу насиживания одни скорлупки!

Но дальше так не пошло: скоро вылупились из яиц филинята. И давай наверстывать потерянное: что ни час — то тяжелее.

Аппетит у этих птичек прямо зверский! На четвертый день вдвое потяжелели, на седьмой — в восемь раз. А перед вылетом из гнезда обогнали в весе отца и мать — филина с филинихой!

Таких уж малышами не назовешь. А обыкновенными — и тем более.

Хорек

Хочешь узнать хорька — заведи себе кур. И они тебя с ним познакомят. Сперва, конечно, еще от соседей о нем наслышишься. Захожу, мол, в курятник, а куры под насестом вповалку лежат! И петух с ними. Хорек напустил хорьковой вони — куры в обморок и попадали. Он выбрал самую жирную — и унес.

Бежишь скорее в свой курятник, распахиваешь настежь дверь — вроде хорьком не пахнет. И курицы с петухом на насесте сидят. Раз, два, три, четыре... Пятой курицы нет — самой большой и жирной!..

Хорек проникает в курятник проще хозяина. Хозяин входит в дверь, а хорек — через окно, сквозь стены, через крышу и подпол. В щель, трещину, крысиную нору. В пролазу-змею превращается, лишь только почует куриный дух! И до тех пор будет в курятник лазать, пока в нем и считать станет некого.

Вот тогда хорька и узнаешь! Хорек, он хорек и есть...

Хвосты

Помните сказку-несказку про хвосты? У рыбы хвост — движитель, у рака — весло, у дятла — подпорка. И у зверей хвосты не без дела: слепней и мух отгонять, прикрывать нос в мороз. И нет хвостов просто так, для красоты.

Ну с этим-то я не могу согласиться. Бывают хвосты и для красоты. У глухаря, например, у фазана. У павлина, у птицы-лиры. А может, и у лисицы. Да и у зайца: не зря же заячий хвост называют «цветком»!

Хотя, конечно, чаще хвосты при деле. Тритон может хвостом даже дышать под водой! Ящерица хвостом врагов обманывает: схватят ее за хвост — она хвост отбросит и юркнет в норку. А потом у нее новый хвост вырастает.

Хвост может даже игрушкой быть! Скучно котятam или щенятam, не с кем поиграть — так они начинают с хвостом играть. Катаются, кружатся, подскакивают — собственный хвост ловят. А поймают — даже ворчат от удовольствия: вот какие они ловкачи. Да с азарта как кусят себя за хвост! Только тут и поймут, что сами себя поймали.

Хохлатая синица

Собирать в запас — значит себя спасти. Каждый спасает себя на свой лад. Суслик зерно с полей ворует и прячет в свою нору. Даже особые кладовые роет для ворованного зерна. Водяная крыса забивает отнорки картошкой. До пуда, бывает, натаскает. Сыч на зиму замораживает в дупле, как в холодильнике, мышей и птичек. У одного такого запасливого сыча нашли однажды целых два килограмма лесных мышей! А один горностай сложил в норе пять водяных крыс, семь полевок, синичку, гадюку, ящерицу, тритона, лягушку и плавунца!

Все это — на черный день. Запасают как могут, где могут. Все по-разному, но все для себя: в своей кладовой, в своем дупле, в своей норе.

И только одни веселые синички-хохлатки собирают запасы совсем не так. Хоть они и веселые, но и у них бывают черные дни. И потому запасают они неустанно. Жучок, паучок, муха — годится. Семечко, зернышко, ягодка — подойдет. Нет у них собственных кладовых: ни норок, ни дупел. Была бы удобная трещинка в коре, особенно под сучком, куда не пробьется ни дождь, ни ветер. В лесу деревьев — не сосчитать. И на каждом найдется укромная трещинка. С дерева на дерево, с сучка на сучок, от трещинки к трещинке. Куда жука, куда зернышко; осенью еды много. А зимой и сушеному комару будешь рад.

Сотни деревьев, тысячи кладовых. Но разве все их запомнишь?

А их и не надо запоминать: кладовые-то эти для всех! Не все ли равно, чей запас ты найдешь: свой или чужой? Ты чей-то склевал, и твой кто-то забрал. Ты для всех, и все для тебя. Черный день всем страшен: всем надо иметь запас. А собирать его можно по-разному. Можно, как крыса, — только себе. Или, как синичка-хохлатка, — для себя и для всех.

Целебные травы

Иду, а навстречу ребята. Увидели мой рюкзак раздутый, спрашивают:

— Грибов нет, ягоды не поспели, чего вы насобирали?

Прищуриваюсь загадочно.

— Зверя, — отвечаю, — поймал. Вы такого и в глаза не видели!

Ребята переглядываются, не верят.

— Мы, — говорят, — всех зверей знаем наперечет.

— Так угадайте! — дразню ребят.

— И угадаем! Только какую-нибудь примету скажите, хоть самую маленькую.

— Пожалуйста! — говорю. — Не жалко. Ухо у зверя... медвежье.

Задумались. У какого зверя медвежье ухо? У медведя, понятно. Но не медведя же я в рюкзак посадил! Медведь не поместится. Да и попробуй посади-ка его в рюкзак.

— А глаз у зверя... вороний! — подсказываю. — А лапы... гусиные. Тут все рассмеялись и загалдели. Решили, что я их разыгрываю. А я еще поддаю:

— Не нравятся вам гусиные — приставьте лапки кошачьи. И лисий хвост!

Обиделись, отвернулись. Молчат.

— Ну так как? — спрашиваю. — Сами угадаете или сказать?

— Сдаемся! — выдохнули ребята...

Не спеша снимаю рюкзак, развязываю завязки и вытряхиваю... охапку лесной травы! А в траве и вороний глаз, и медвежье ухо, гусиные и кошачьи лапки, и лисий хвост, и львиный зев. И другие травы: мышехвостник, лягушечник, жабник...

Часы птичьи

Нашел я часы.

Ни золотые, ни серебряные, ни ручные, ни карманные, ни солнечные, ни песочные, а... птичьи. В лесу, оказывается, и такие есть — и чуть ли не на каждом дереве! Вроде наших часов с кукушкой. Только там еще и часы с заряной, часы с зябликом, часы с дроздом.

Птицы в лесу, оказывается, начинают петь не когда кому вздумается, а когда положено. Одни через столько-то минут после восхода солнца, а другие за столько-то минут до восхода. Какая птица как.

Ну-ка, сколько сейчас не на моих серебряных, а на лесных птичьих? И не посмотрим, а послушаем, ведь птичьи часы все с боем.

Бекас сверху зажуужал, — значит, уже три часа. Вальдшнеп протянул, похрюкивая и повизгивая, — начало четвертого. А вот и кукушка закуковала — солнце скоро взойдет. И заработают часы утренние, и станут их не только слышно, но и видно. Певчий дрозд сидит на маковке елки, высвистывает — около четырех, теньковка поет и крутится на осине — начало пятого, зяблик прогремел на сосне — скоро пять.

Ни заводить, ни чинить, ни проверять эти часы не надо. Водонепроницаемые и удароустойчивые. Правда, привирают, бывает, но какие часы не спешат или не отстают! Зато всегда при себе, не забудешь, не потеряешь. Часы с перепелиным боем, с кукованием кукушки, с трелями соловья, со звоном овсянки, с колокольчиком жаворонка лесного юлы. На любой вкус и слух!

Черника

А черника-то ведь не черная! Видели ребят, когда в лесу поспевают черника? Губы и руки синие, щеки синие, носы синие. А то и уши!

И не у одних ребят. У тетеревов, глухарей и рябчиков носы тоже синие. У прыгучих зайцев лапы подсиненные снизу. Дрозды на пеньках и ва-лежинах оставляют чернильные кляксы. У медведя от сока синие губы слипаются, и он их облизывает синим языком. А на черничниках пахнет синим черничным вареньем. Но столько ее вокруг, этой синей черники, что в глазах черно!

Чиж

Я купил чижа, посадил в клетку и стал разглядывать. Зеленоватенький, шустрый, с хитрым черным глазком. Словом, чижи́к-пыжи́к!

Кормил я чижа березовыми семенами да изредка совал в клетку свежие прутики вербы. Была зима, но дома, в тепле, на прутиках, стоящих в банке с водой, раскрылись барашки. Чиж любил трепать эти пушистые «заячьи хвостики», зеленые почки. А наклюется — и запоет.

За окном зимняя тишина, холодина, а дома птица поет!

Уж не прячется ли весна в этих заячьих хвостиках и зеленых почках? Вместе с птичьими песнями? Раскроются почки в лесу — и лес переполнится песнями: птицы прилетели и наклевались певучих почек. А чижи́к-пыжи́к мой еще зимой наклевался — и запел среди холодов и снегов. А что, вполне может быть! Мы ведь тоже поем, когда у нас весна внутри.

Шишка

Еловая шишка для обитателей леса все равно что для нас с вами кулек с конфетами. Вот каждый и старается шишку сорвать и до семян добраться. Клесты от такого рвения даже носы набок сворачивают! У клестиных птенцов носы как носы, прямые, как и у всех других птиц. А как начнут сами носами шишки-кульки разворачивать, чешуйки на них отгибать, так и покривеют у них носы, перекрестится надклювье с подклювьем — не носы, а какие-то кривозубцы!

Дятел ради вкусных семян даже особый станок-зажим изобрел: заклинивает шишку в щель и долбит. Дятел-долбонос. Белка берет шишку в лапки и «распаковывает» зубами: скусывает чешуйку за чешуйкой и достает семена. Попадаете шишка смоленая, так у нее даже губы слипаются! Но шишку все равно не бросит, до семечка вышелушит. Ну а те, кому самим с шишкой не справиться, ждут, когда шишки весной раскроются. Встопорщатся на шишках чешуйки, полетят семена-вертолетики, устилая первые проталины и последние сугробы. На радость чижам, юркам, зябликам и синицам. Налетайте на угощение!

Все угощению рады — Шишкиным семенам. А полетуха — летучая белка — и самой шишке рада! Целиком съедает ее, пока она молоденькая, не затвердевшая, похожая на зеленое яблочко. Незрелую шишку съедает, а созревшие семена не ест! Это все равно что съесть картонный стаканчик, а мороженое выбросить. Невероятно! Такое только в лесу и может быть.

Шмель

Весной в щель пола лесной избушки протиснулся шмель: мохнатый, толстый и недовольный. Серdito подвывая, покружился он по скользкой доске, разогрелся, тяжело, с натугой — словно гирию тянул! — взлетел и стал бодать лбом стекло.

А за окном еще пятна снега, голые прутья кустов, под ними волглый лежалый лист. Одно лишь волчье лыко зарозовело, да в затишке, на припеке, зажелтели цветы мать-и-мачехи.

Я накрыл шмеля стаканом, подsunул снизу конверт и вынес мохнатого гостя на солнцепек. Полетел шмель, загудел, сияя слюдяными крылышками. Вот выше забора, выше крыши, вот уже у вершины березы — еле слышу его басовитый гуд. И вдруг повернул назад!

Все так же деловито гудя, стал приближаться, закружил над кустами и напрямик направился к цветущему лыку. С лета вцепился в розовые венчики и закопошился, шевеля цепкими лапками. Окунул клювик в венчик-рюмочку и затих. Насосался нектара да тут же среди цветов и уснул.

Три вечера прилетал он ночевать на это волчье лыко. Днем пропадал где-то, а как вечер — висит уже на своих цветах. А потом исчез, наверное, повкуснее цветы раскрылись.

А шмели из-под пола лезли и лезли!

Такие же толстые, мохнатые и сердитые. Так же зундели, кружась по полу, тяжело взлетали и тыкались плюшевым лбом в стекло. Я накрывал их стаканом и выносил на солнце: натужно гудя, они разлетались.

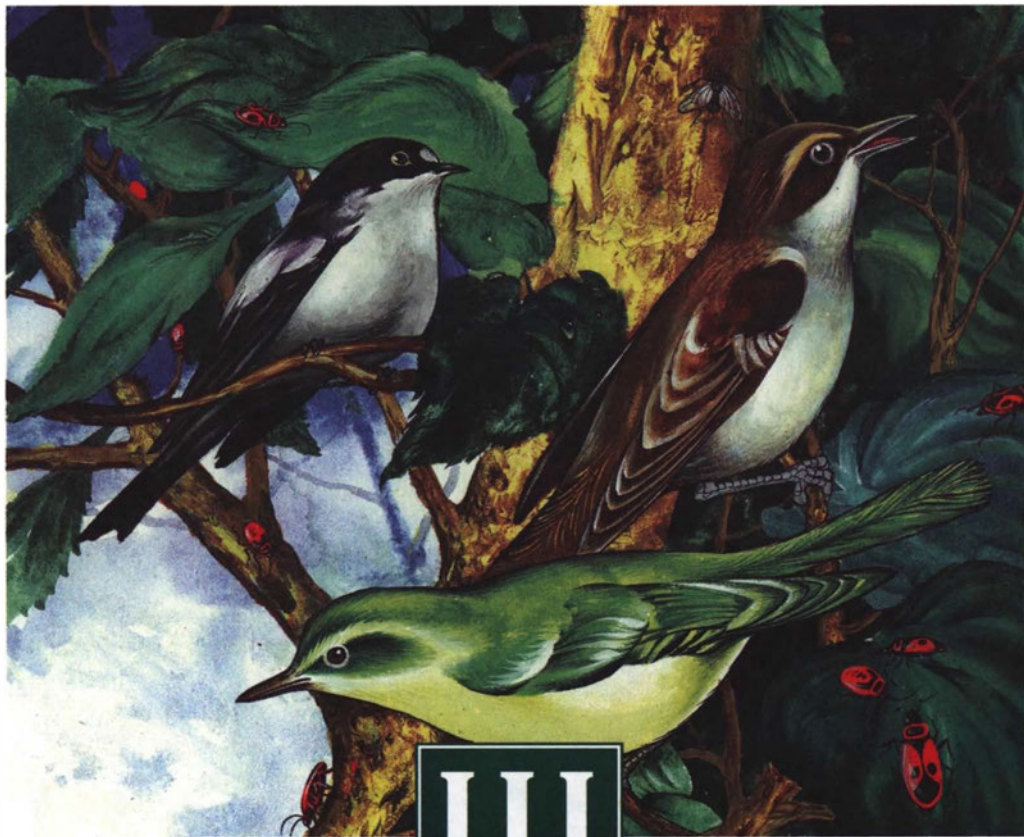
Теперь я встречал шмелей на разных цветах-первоцветах. А когда подсохли пригорки, стали они встречаться у мышиных нор: то в одну заползут, то в другую. Что-то там ищут. А один заполз даже в дятлово дупло: погудел внутри озабоченно, выполз, блеснул крылышками и улетел.

Шмели искали убежище для гнезда. И не шмели это были, а шмелихи. Проснулись после зимней спячки, отогрелись на солнце, подкрепились нектаром и ищут теперь подходящую норку, чтобы вылепить соты и вывести шмелят. Все лето у них на это уйдет, а осенью снова начнут искать укрытие на зиму. Чем-то понравилась им моя лесная избушка, каждую осень в нее лезут, чтобы проспать в подполе до весны. Я весной приезжаю, печь топлю, они тепло чувт, просыпаются и ползут в щель на свет. Снова беру стакан, накрываю, выношу на солнце.

Новая на дворе весна, другие совсем шмели, а будто все те же! Словно и не было долгой зимы, а все весна и весна. И так год за годом...

...Шмель на полу зундит, кружит вальсом, спросонок взлететь не может. В печке дрова пощелкивают. Новая на дворе весна.

Щебет птиц

Слушаешь иную птицу в лесу, и слышатся тебе в ее голосе... человеческие слова! Словно птица с тобой разговаривает. Певчий дрозд высвистывает: «Чай пить, чай пить! С сахаром! С сахаром!» Да так понятно, что каждый знает этот перевод с дроздиного на человеческий.

В выкриках чечевицы ясно слышится: «Витю видел? Витю видел?» Рябчик свистит: «Пя-ять, пя-ять, пя-ять тетеревей!» Мухоловка-пеструшка высвистывает скороговоркой: «Мечи-мечи в печи калачи!» А лесной голубь вяхирь хриплым голосом угрожает: «Во-от я вас всех сейчас!» Пухляк весной звонким голосочком выпрашивает: «Дай-дай-дай-дай!» Большая синица свистит: «Дважды два, дважды

два, дважды два!» А другая ей отвечает: «Четыре, четыре, четыре!» Дроздовидная камышевка трещит в тростниках: «Карась, карась, карась, рак, рак, рак, линь, линь!» Перепел в поле вечером напоминает: «Спать пора, спать пора, спать пора!» А утром уговаривает-зовет: «Подь полоть, подь полоть, подь полоть!»

Сова-неясыть ночью на весь лес вздыхает: «Охо-хо-о-о!» Пеночка-теньковка утром с высокой елки зовет: «Тё-тень-ка, тё-тень-ка!»

Есть даже птицы, которые сами себя называют! «Чиж-ж, чиж-ж!» — представляется чиж. «Фи-фи, фи-фи!» — кричит куличок-фифи. А чибис, носясь над лугом, выкрикивает: «Чи-бис, чи-бис!» Вслушайтесь в крик летящей галки: «Гал-ка, гал-ка!» А лесной жаворонок-юла, кружа высоко над вырубкой, повторяет свое имя «юла» на разные лады и манеры.

Вслушайтесь: птицы переговариваются с нами!

Эхо лесное

Знаем всех обитателей леса: всех их видели или слышали. Ночного филина, например. Или неясить бородатую. Или длиннохвостую. А раз слышали, значит, и они в лесу живут, хоть на глаза и не показываются.

Ну а эхо? Эхо тоже слышали, — значит, и оно тоже в лесу живет?

Живет, только мы почти ничего о нем не знаем. Знаем, что откликается. А какое оно на вид? В чешуе, как ящерица, в шерсти, как заяц, или в перьях, как сорока? Маленькое оно или огромное? На сову похоже или на летучую мышь? Мне кажется, что больше всего эхо похоже на настороженное ухо. Или на широко разинутый жабий рот. И оно отзывчивое, это эхо. Ты заблудился, а эхо тебя ободрит. Ты на помощь позвал, а оно тут как тут.

Каждый твой поступок в лесу рождает отклик. И не один! Есть места, где эхо откликается десять раз. Ты только раз не в срок выстрелил, а эхо десять выстрелов твоих браконьерских по всему лесу разнесет. Ты дерево рубишь тайно, а эхо стучит и стучит по твоей совести. Ты птицу или зверя убил — возмущенное эхо покатилося по лесу.

Ты у эха всегда на виду. Оно слышит все — вот почему оно похоже на ухо. Ты только задумал что-нибудь натворить, а оно уже рот разинуло, чтобы лес оповестить. В лесу как аукнется, так и откликнется.

Юркие воробьи

Бежал из школы Ванятка и видит: сидят на бережку снеговой лужи три совершенно незнакомые птички! Ростом с воробья, но одна птичка черная, другая — коричневая, а третья — рыжая. Всех птиц в парке Ванятка знал, а таких видел в первый раз.

Птички одна за другой прыг-прыг в лужу — по колено, по гузку, по самый хвостик! — и ну купаться. То нос окунают, то на хвост откидываются, трепыхаются и так бьют по воде крылышками, что брызги летят!

Вот выскочили из лужи и, мокрые и взъерошенные, перелетели на ребячью песчаную горку. И давай барахтаться и копошиться в песке! Песок к перьям липнет, так измазались, что не поймешь, какого и цвета были. И не взлететь им уже, назад к луже скоком скачут. Снова в лужу по грудку, снова затрепыхались, снова брызги, а в брызгах даже радуга!

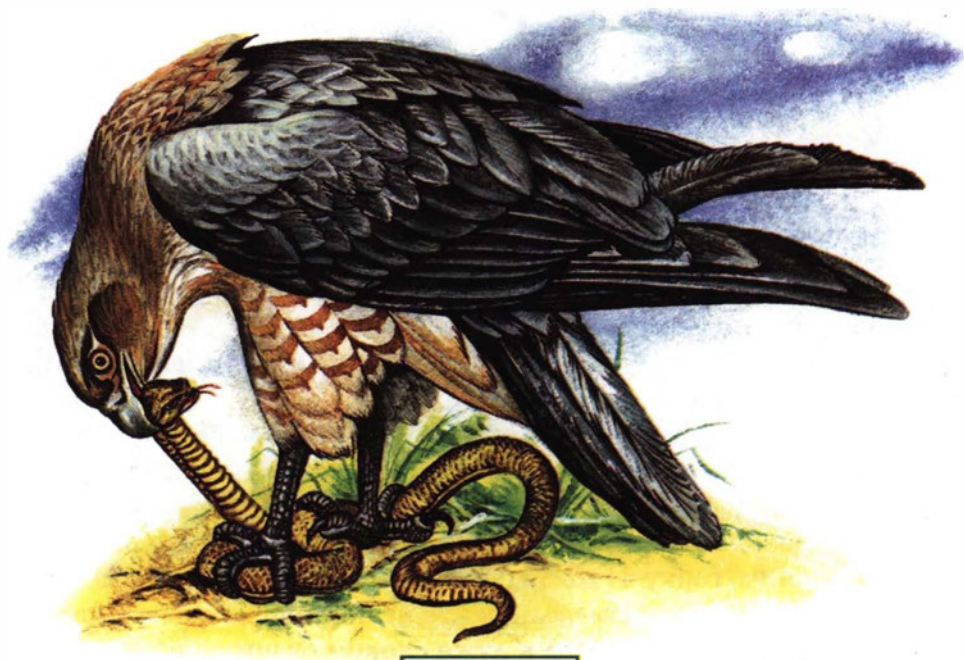
Выкупались, вымылись и выскочили на бережок. Ванятка так и ахнул: воробьи! Вся троица — воробьи! Теперь все трое одинаково серенькие, свеженькие такие, чистенькие. А вот вода в луже стала грязной...

Понял Ванятка, что воробьи за зиму так измазались — мыться-то было негде! — что стали сами на себя не похожи. И вот сейчас в бане мылись.

Черный воробей сажу смывал: всю зиму в трубе ночевал. Коричневый в дупле трухлявом спал. А рыжий в кирпичной стене устроился, в дырочке. Вот вода в луже и стала черно-кирпично-коричневой.

— С легким паром! — крикнул Ванятка воробьям. И помчался домой, разбрызгивая ногами весенние лужи.

Яйца птиц

Как только гнездо готово, птица откладывает в него яички. Маленькие птички каждый день по яйцу откладывают, большие — через день, а то и через два. У тех, кто гнездится в дуплах и норах, яички светлые, а кто открыто — пятнистые, чтобы не очень были заметны. А если и бывают светлые, то наседки прикрывают их травой или пухом. Как, например, поганки и утки, когда уходят кормиться.

Число яичек в гнезде бывает самое разное. Чаще четыре — шесть. Но вот у орла-змееяда всегда в гнезде только одно яйцо, а у куропатки серой лукошко полное — до двух дюжин яиц!

Яички, как правило, обычной яйцевидной формы. Но у сов они почти круглые, у козодоев — эллипсовидные, а у чибисов — грушевидные. Ну а расцветка у птичьих яиц всех цветов радуги!

Каждое яйцо — это будущая птичка. И тысячи птичьих песен.

Ястреб

Ястреб-перепелятник живет в лесу, где перепелок и в помине нет. И хватает там всех, кто ему под лапу подвернется: дроздов, зябликов, синиц и пеночек. И как хватает! С земли, с куста, с дерева. А то и в воздухе! И птички боятся его чуть не до обморока.

Вот только что гремел овражек птичьими песнями, но пронесся перепелятник, птицы разом испуганно вскрикнули — и словно вымер овраг. И долго-долго будет висеть над оврагом страх. Пока самый храбрый зяблик не придет в себя и не подаст голос. Тогда зашевелятся и другие.

К осени перепелятники вылетают из леса и кружат над селениями и полями. То паря, то мельтеша рябенькими крыльями, они и не думают прятаться. И их, таких заметных, не очень-то и боятся. Стрижи и ласточки даже гоняются, стараясь ущипнуть на лету. Гоняют их с криком сороки и вороны, даже маленькие тоненькие трясогузки. И перепелятник то удирает от них, то сам на них накидывается. И похоже это не на охоту, а скорей на игру: гоньба от молодости, от солнца, от избытка сил. Не страшен птичкам перепелятник, когда он у всех на виду. Но берегись, если кинется из засады!

Перепелятник сидел в глубине плакучей ивы и терпеливо ждал, когда на подсолнухи явятся воробьи. Только они облепили солнечные «корзинки», он метнулся на них, растопыря когти. Но воробьи оказались стреляные, бывалые, кинулись напрямик в плетень и прошили его, как рыбешка дырявую сеть. А ястреб с разгона чуть не убился о изгородь!

Зыркнул пронзительными глазами по сторонам, сел на плетень над самыми воробьями: с лета не взял — измором изведу!

Тут уж кто кого! Перепелятник на колу, воробьи под плетнем мышами шуршат, чуть в землю от страха не зарываются.

Соскочил ястреб к ним, растопыря крылья, — воробьи прошмыгнули в щели на другую сторону. Ястреб снова через плетень — воробьи снова в щели. И видит око, да клюв неймет!

Но один воробьенок не выдержал и понесся. Перепелятник за ним и лапу уж вытянул, чтоб на лету за хвост сцапать, а воробьенок головой в ту самую густую иву, в которой ястреб прятался. И прошил ее, как дырявый плетень. Не таким уж и глупым он оказался. А ястреб застрял, забился в ветках, как в сетке.

Провели воробьи ястреба, улетел ни с чем. В поля подался перепелок искать. Раз уж перепелятник.

Ящерица

Кто сказал, что ящерица противная? Как только у него язык повернулся! Наверное, он ящерицу никогда не видел.

Особенно хороша ящерица весной в праздничном весеннем наряде. Щитки и чешуйки горят малахитовой зеленью, от головы до хвоста она в кружевных пятнышках и завитушках: стройная, быстрая, ловкая. Прямо сказочная малахитовая красавица. Уж если лягушки бывают царевнами, то ящерицы и подавно!

Известно, что ящерица от недругов хвостом откупается. Жалко, конечно, хвост: все-таки свой был, а не чужой. Да и вид без хвоста не такой молодецкий. Так, бесхвостая ящерица. И все же лучше хвоста лишиться, чем голову потерять. Хвост-то потом и новый вырастет, а то и два... Всю зиму ящерицы спят в земле: окоченелые, как неживые. Но пригреет солнце, и ящерицы проснутся. Выползут на припек, отогрются, начнут шуршать в сухой прошлогодней траве и листьях. И станут малахитовыми красавицами — от головы до хвоста!

СОДЕРЖАНИЕ

Адмирал	3	Ночная кукушка	56
Аист черный	4	Ночь	58
Альбинос	6	Оляпка	59
Бурундук	7	Ондатра	60
Барсук	9	Опенки	61
Берлога	10	Пищуха	62
Веретенница	12	Первоцветы	64
Ветреница	14	Пчелы	65
Ворона	15	Рысь	66
Гоголь — лесная утка	16	Рябчик	68
Голубянка	18	Скворец	70
Грибной дождь	19	Соловей	72
Дупло	20	Толкуны	73
Дятел	23	Трутовник	74
Ельник	24	Трясогузка	75
Ёж-колобок	27	Удод	77
Ёлочка	28	Уж	78
Жаворонок лесной	29	Ухоронки	79
Жаба	30	Филин обыкновенный	80
Журавль	32	Хорек	83
Замор	34	Хвосты	84
Заяц	35	Хохлатая синица	85
Зяблик	36	Целебные травы	86
Игрушки лисят	38	Часы птичьи	88
Имена зверей и птиц	40	Черника	90
Капустница	42	Чиж	90
Кузнечик	43	Шишка	91
Кукушка	44	Шмель	92
Ласточка	46	Щебет птиц	94
Летучая мышь	47	Эхо лесное	96
Лиса	48	Юркие воробьи	97
Мотыльки	50	Яйца птиц	98
Муравьи	50	Ястреб	99
Мухомор	53	Ящерица	100
Наст	54		

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста

Сладков Николай Иванович

Азбука леса

Редактор Г. В. Туфанова
Художественный редактор А. А. Барейшин
Корректор И. Л. Прокощенко

Подписано в печать с готовых диапозитивов 3.12.99 г. Формат
60×90¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Антикva. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13. Тираж 15 000 экз. Заказ № 9902.

Фирма «Русич»
Лицензия ЛР № 040432 от 29.04.97.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ООО «Харвест»
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано на Государственном унитарном предприятии Смоленский полиграфический комбинат Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Larisa_F

